

84 К23 = 15
А 12

АБАЙ

книга
слов

20.02
76.11.-74,
2002
1.11-1578

Библиотека
фонда
«Детям-жертвам
ядерных испытаний
и экологических
катастроф»

и

Фонда
развития
«Казахстан»

АБАЙ
книга слов

ШАКАРИМ
Записки
Забывтого

045009 - 23

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1992

Петропавловская
централизованная
библиотечная система

2013 - 2014

ББК 84 Каз
А 13

А $\frac{4702250101-045}{402(05)-92}$ без объявл. 92

ББК 84 Каз

ISBN 5-605-01373-4

© Переводы на русский язык
К. Серикбаевой
Р. Сейсенбаева

«...узнаем, что делать,
когда будет стыдно.»

ОЛЖАС

«Все еще пустыня...»

ОТЗЫВЧИВОЕ СЕРДЦЕ

«Абай — зрячее око, Абай — отзывчивое сердце, Абай — мудрость народа», — так, до предела сжато и емко высказался создатель эпического повествования «Путь Абая».

В правоте и точности ауэзовской формулы мне довелось заново убедиться, перейдя от стихов Абая к его удивительной книге прозы — «Книге Слов».

Это именно Книга — в том высоком и единственном, священном и одухотворенном значении, которое издревле — на Востоке и на Западе — придавалось письменной речи. Это именно Книга — сплав мысли и чувства, переключка разума с сердцем, средоточие житейско-практического, историко-социального, философско-религиозного, морально-психологического опыта большой и нелегкой жизни великого человека — поэта, пророка, мыслителя, воспитателя народа.

Это Книга Слов — именно Слов, истинно живых и единственно необходимых, полных силы и смысла, наделенных дыханием времени и пространства, будничных и вечных, тех, о которых Николай Гумилев говорил в своем знаменитом стихотворении: «осиянно только слово средь земных тревог.»

Здесь — многолетние раздумья Абая, его поиски и обретения, его тревоги и скорби, высота помыслов и радость откровений, творческий порыв и горькое подведение итогов, сострадание и гнев...

Абай верит в Бога — он видит в Аллахе первопричину и творца всего существующего, убежден в бесконечной мудрости и доброте божественного начала. Его вера — вера творческой личности — светла и гуманна, деятельна и нравственно цельна.

Абай верит в сотворенного Богом человека — в его высокое предназначение и способность постичь законы этого мира. Разум человека, утверждает он, может стать мерилом истины, а сам человек — обрести счастье в сочетании разума и труда.

«Книга Слов» создана Абаем на склоне лет. Он знает цену всему — делам и дням, искушениям и соблазнам. Все проходит, остается мудрость — непритязательная и скромная, даже стыдящаяся этого названия, но ясная и откровенная, и потому особенно убедительная. Именно она и составляет суть и сердцевину «Книги Слов».

Возникла эта книга на самом пороге XX века. Без малого сотня лет отделяет нас от времени ее появления. Что можем мы, люди, подошедшие к концу этого невероятного столетия, почерпнуть из давно прозвучавших откровений казахского мудреца и поэта?

Оказывается, гораздо больше, нежели из тех или других современных трудов. Достоевский как-то высказался о том, что «Илиада» Гомера может оказаться полезнее иных свеженарисованных сочинений «не только прежде, а даже теперь, при современных вопросах, полезнее, как способ достижения известных целей этих же самых вопросов, разрешения настоящих задач...»

Так и классическая «Книга Слов» помогает нам многое осмыслить из того, что с нами происходит сегодня.

Нас лишает покоя угроза экологической и ядерной катастроф, распад нравственных и духовных устоев. Но ведь это лишь следствия. А о причинах, порождающих катастрофические результаты, задолго до всего ныне совершающегося, писал Абай в «Книге Слов», когда с тревогой и болью исследовал трусость и безволие, праздность и леность, лживость и невежество современников. Из этих пороков человеческой природы, укрепившихся и разросшихся, и вызревают, предупреждал Абай, еще неведомые миру трагедии и катастрофы.

Бедствием нашего общества стали межнациональные распри и взаимные счеты, предъявляемые друг другу от имени целых народов. Абай, изначально любя свой народ, всю жизнь отыскивая тропу к его сердцу, призывал отказаться от племенной заносчивости и кичливости, смотреть на другие народы, как на братьев, учиться у них всему доброму и полезному. Такой призыв мог бы показаться банальным и абстрактным назиданием, если бы поэт не сочетал его с гневной и остро-насмешливой критикой в адрес сородичей, негодующим бичеванием наблюдаемых столь близко моральных изъянов и пороков.

Нет плохих народов и нет народов безнравственных. Но ничто так не укрепляет духовную силу народа, как открытая и смелая национальная самокритика. Она — свидетельство внутреннего здоровья нации, ее способности совершенствоваться, преодолевать общие беды и излечивать собственные болезни.

И в этом смысле «Книга Слов» — урок и призыв к размышлению для многих современных борцов за «национальную идею» — любого происхождения. «Книга» противостоит сегодняшним попыткам национальной самоизоляции, самовоспеванию и невежественному зазнайству, попыткам некоторых идеологов высокомерно оттолкнуть свои народы от всего богатства общечеловеческой культуры.

«Книга Слов» продиктована Абаю его любовью — прежде всего любовью к родной земле и ее людям, заботой об их жизни и судьбе, об их настоящем и о неведомом еще, но тревожном и угрожающем завтрашнем дне. В пронзительной, зоркой и трагически чуткой книге эта забота, охватившая измученное сердце великого человека, выражена с покоряющей силой, и голос автора встревоженно зовет, будит и предостерегает современников.

Что может особенно поразить и привлечь сегодняшнего читателя «Книги Слов»? Думается, прежде всего естественная внутренняя свобода автора, самостоятельность и независимость его суждений и чувств, полная неозабоченность Абая какими-либо привходящими (или как теперь сказали бы, конъюнктурными) соображениями, вольный строй его духовного мира, размах и широта творческого сознания явленного в Слове и полностью

гармонирующего с необозримостью и свободой казахского степного простора.

По-прежнему суверенность духа дефицитна и в наши дни. Но начавшийся у нас долгий и многотрудный процесс восстановления духовной свободы обнадёживающе подкрепляется такими творениями, как «Книга Слов».

Рука непревзойденного мастера ощущается в каждой строке, в каждом из сорока пяти «Слов», вошедших в книгу. Филлигранная отточенность каждого периода и фразы, их ритмико-музыкальная организованность, стилистическое единство и целостность, естественность и благородная простота — характерные черты «Книги Слов». Это — философия, согретая кровью авторского сердца. Это — этика, наполненная глубоко личной страстью, живой любовью и справедливым негодованием.

И, конечно, новый перевод этой книги на русский язык многого потребовал от тех, кто взялся за столь ответственное дело. Переводчикам повезло — они обладают двумя родными языками — казахским и русским, как многие современные казахские интеллигенты. Но этого мало. Книга Абая переведена ими с любовью, с тщательностью, с предельным вниманием к целому и к деталям, поистине на одном дыхании. И на одном дыхании прочитывается русский перевод. Он действительно художественный, что очень и очень непросто при воссоздании высокой философской прозы — одного из лучших творений казахской литературы.

Михаил КУРГАНЦЕВ

АБАЙ

кнїга
слов

Слово первое

Хорошо я жил или плохо, а пройдено немало: в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах дошел до преклонных лет, выбившись из сил, пресытившись всем, обнаружил брэнность и бесплодность своих деяний, убедился в униженности своего бытия. Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? Озадачивает то, что не нахожу ответа на свой вопрос.

Править народом? Нет, народ неуправляем. Пусть этот груз взвалит на себя тот, кто пожелает обрести неисцелимый недуг, или пылкий юноша с неостывшим сердцем. А меня сохрани Аллах от непосильного бремени.

Умножать ли стада? Нет, не стоит заниматься этим. Пусть дети растят скот, коль им надобно. Не стану омрачать остатки дней своих, ухаживая за скотом на радость проходимцам, вора́м и попрошайкам.

Заняться наукой? Как постичь науку, когда не с кем словом умным перемолвиться? Кому передать накопленные знания, у кого спросить то, чего не знаешь? Какая польза от того, что будешь сидеть в безлюдной степи, разложив холсты, с аршином в руке? Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью.

А может, посвятить себя богослужению? Боюсь, не получится. Это занятие требует полного покоя и умиротворения. Ни в душе, ни в жизни не ведаю покоя, уж какое благочестие среди этих людей, в этом краю!

Воспитывать детей? И это мне не под силу. Воспитывал бы, да не ведаю, как и чему учить? Какому делу, с какой целью учить, для какого народа воспитывать их? Как наставить, куда направить, когда сам не вижу, где бы дети могли приложить свои знания? И здесь не нашел я себе применения.

Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли. Если кто найдет в них нужное для себя слово, пусть перепишет или запомнит. Окажутся не нужными мои слова людям — останутся при мне.

И нет у меня теперь иных забот.

Слово второе

В детстве мне приходилось слышать, как казахи смеялись над узбеками: «Ах вы, сарты широкополые, камыш издалека носите, чтобы крыши покрыть, при встрече лебезите, а за спиной друг друга браните, каждого куста пугаетесь, трещите без умолку, за что и прозвали-то вас сарт-сурт»¹.

При встрече с ногаями² тоже смеялись и ругали их: «Ногай верблюда боится, верхом на коне устает, пешком идет — и беглые, и солдаты, и торговцы из ногаев. Не ногаем, а нокаем³ бы следовало вас называть».

¹ С а р т - с у р т — треск, трещотка

² Ногаями казахи называли татар

³ Н о к а й — бестолковый, тупой

«Рыжеголовый урус, этому стоит завидеть аул, как скачет к нему сломя голову, позволяет себе все, что на ум взбредет, требует «узун-кулака»¹ показать, верит всему, что ни скажут», — говорили они о русских.

«Бог мой! — думал я тогда с гордостью. — Оказывается, не найти на свете народа достойнее и благороднее казаха!» Радовали и веселили меня эти разговоры.

Теперь вижу — нет такого растения, которое бы не вырастил сарт, нет такого края, где бы не побывал торговец-сарт, нет такой вещи, которую бы он не смастерил. Живут миряне в ладу, вражды не ищут. Пока не было русских купцов, сарты доставляли казахам одежду для живых и саван для умерших, купали гуртами скот, который отец с сыном между собой поделить не могли. Теперь, при русских, сарты раньше других переняли новшества. И знатные баи, и грамотные муллы, и мастерство, и роскошь, и учтивость — все есть у сартов.

Смотрю на ногаев, они могут быть хорошими солдатами, стойко переносят нужду, смиренно встречают смерть, берегут школы, чтут религию, умеют трудиться и наживать богатства, наряжаться и веселиться.

Мы же, казахи, батрачим на их баев за жалкое пропитание. Нашего бая они гонят из своего дома: «Эй, казах, не для того настлан пол, чтобы ты его грязными сапогами топтал».

Сила их в том, что неустанно учатся они ремеслу, трудятся, а не проводят время в унижительных раздорах между собой.

¹ Узун-кулак — длинное ухо, т. е. быстрое распространение слухов

О просвещенных и знатных русских и речи нет. Нам не сравняться с их прислужой.

Куда сгнули наши былые восторги?

Где наш радостный смех?

Слово третье

В чем кроется причина разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу? Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием?

Мудрые мира давно заметили: человек ленивый бывает, как правило, труслив и безволен, глуп и невежествен, невежда не имеет понятия о чести, а бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим.

Пороки эти оттого, что люди озабочены только одним — как можно больше завести скота и стяжать тем самым почет у окружающих. Когда б они занялись земледелием, торговлей, стремились к науке и искусству, не произошло бы этого.

Родители, умножив свои стада, хлопочут о том, как бы стада у их детей стали еще тучнее, чтобы передать заботу о стадах пастухам, а самим вести праздную жизнь — досыта есть мясо, пить кумыс, наслаждаться красавицами да любоваться скакунами.

В конце концов их зимовья и пастбища становятся тесными, тогда они, употребив силу своего влияния или занимаемого положения, всеми доступными для них средствами выкупают, выманивают или отнимают угодья соседа. Этот, обобранный, притесняет другого соседа или вынужденно покидает родные места.

Могут ли эти люди желать друг другу добра? Чем больше бедноты, тем дешевле их труд. Чем

больше обездоленных, тем больше свободных зимовий. Он ждет моего разорения, я жду, когда он обнищает. Постепенно наша скрытая неприязнь друг к другу перерастает в открытую, непримиримую вражду, мы злобствуем, судимся, делимся на партии, покупаем влиятельных сторонников, чтобы иметь преимущество перед противниками, деремся за чины.

Потерпевший не будет трудиться, добиваясь достатка иным способом, ни торговля, ни земледелие не интересуют его, он будет примыкать то к одной, то к другой партии, продавая себя, прозябая в нищете и бесчестии.

Воровство в степи не прекращается. Будь в народе единство, не стали бы люди мирволить вору, который, ловко пользуясь поддержкой той или иной группировки, только усиливает свой разбой.

Над честными сынами степи чинятся уголовные дела по ложным доносам, проводятся унижительные дознания, загодя находятся свидетели, готовые подтвердить то, чего не видели и не слышали. И все ради того, чтобы опорочить честного человека, не допустить его к выборам на высокие должности. Если гонимому ради своего спасения приходится обращаться за помощью к тем же негодьям, он поступает своей честью, если он не идет к ним на поклон — значит быть ему несправедливо судимому, терпеть лишения и невзгоды, не находя в жизни достойного места и дела.

Достигнув власти хитростью и обманом, волостные не замечают тихих и скромных, а стараются наладить отношения с людьми, подобными себе — увертливыми и ухватистыми, рассчитывая на их поддержку а пуще всего опасаясь их вражды.

Сейчас в обиходе новая пословица: «Не суть дела, суть личности важна». Значит, добиться намеченного

можно не правотою предпринятого дела, а ловкостью и хитроумием исполнителя его.

Волостные избираются сроком на три года. Первый год их правления проходит в выслушивании обид и упреков: «Не мы ли тебя выдвигали?» Второй год уходит на борьбу с будущими соперниками. И третий — в предвыборных хлопотах, чтобы снова быть избранным. Что остается?

Наблюдая, как народ чем дальше, тем больше погрязает в распрях, я пришел к выводу: в волостные нужно избирать людей, которые получили пусть небольшое, но русское образование. Если таких нет или есть, но их не хотят выдвигать, пусть волостные назначаются уездным начальством и военным губернатором. Это было бы полезно во многих отношениях. Во-первых, тщеславные казахи стали бы отдавать детей на обучение; во-вторых, волостные не зависели бы от прихоти местной знати, а подчинялись бы только высшему начальству. Дабы не плодить неизбежные доносы и клеветы и не давать им ходу, следовало бы оградить назначаемого от всяческих проверок и испытаний.

Мы имели возможность убедиться в бесполезности выборов биев-судей в каждой волости. Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на «вершине Культобе», необходимо знать своды законов, доставшихся нам от предков, — «светлый путь» Касым-хана, «ветхий путь» Есим-хана, «семь канонов» Аз Тауке-хана. Но и они устарели со временем, требуют изменений и непогрешимых вершителей, коих в народе мало, а то и вовсе нет.

Люди, хорошо знающие казахов, говорили: «Если биев двое, то споров четыре». Отсутствие верховного судьи и четное число биев только усложняет решение споров. Зачем наращивать количество биев? Не лучше ли выбрать из каждой волости по три

образованных и толковых человека, не определяя срока их пребывания на посту, и смещать только тех, кто обнаружит себя в неблаговидных делах.

Пусть бы споры решались двумя судьями и посредником, выбранным истцами. И только не сыскав истины у этих людей, не придя к мировой, спорящие обращались бы к одному из трех постоянных судей. Тогда бы суды не затягивались.

Слово четвертое

Люди внимательные давно заметили — глупый смех равносителен опьянению. Опьянение ведет к проступкам, разговор с хмельным причиняет головную боль. Предаваясь пустому смеху, человек теряет совесть, отстраняется от дел, совершает непростительные шибки, за что ожидает его возмездие, если не на этом, так на том свете.

Человек, склонный к размышлениям, всегда вдумчив, собран, будь то в делах мирских или перед судом смерти. Собранность в делах и мыслях — основа благополучия. Значит ли это, что мы должны постоянно предаваться унынию? Разве может душа лишь печалиться, не зная веселья и смеха? Нет, я вовсе не за то, чтобы мы только и знали что горевать беспричинно. Но стоит задуматься о своей беспечности, опечалиться этим и постараться избавиться от беспечности, заняв себя полезным делом. Не пустое веселье, а полезный и разумный труд исцелит душу.

Только слабые духом могут затвориться в себе, предаваясь горьким раздумьям, не находя утешения.

Если смеешься над глупостью человека дурного, смейся, не радуясь чужой глупости, а гневно. Такому смеху не будешь предаваться часто. Смех с досады — горький смех.

Смейся восторженно, искренне радуясь, когда видишь человека, обретшего благо, свершившего дела добрые, достойные подражания. Хороший пример учит сдержанности, вовремя остановит, не допустит опьянения.

Не всякий смех заслуживает одобрения. Существует же среди прочего смеха такой, что не идет из груди — Богом данным путем, а рядится да пустым звоном рассыпается, единственно ради того, чтобы прожурчать красиво.

Человек рождается на свет с плачем и уходит скорбя. В промежутке между этими двумя событиями, так и не изведав истинного счастья, не распознав до конца ценности и неповторимости дарованной ему жизни, он бездумно прожигает ее в унижительных ссорах и недостойных спорах. Спохватывается, когда жизнь уже на исходе. И только тогда начинает понимать, что ни за какие сокровища мира невозможно продлить ее хотя бы на один день.

Жить хитростью, обманом, попрошайничеством — удел бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотверженный труд даже твердь земная ответит всходами.

Слово пятое

Печаль омрачает нам душу, леденит тело, сковывает волю и, наконец, изливается словами из уст или слезами из глаз. Я видел, как люди молились: «О, Аллах, сделай нас беспечными, как младенцев». Мнят себя страдальцами, обремененными тяжкими заботами и несчастьями, будто они разумнее детей. О заботах же их можно судить по пословицам: «Если жить осталось до полудня, делай запасы на день», «Нищему и отец становится чужим», «Скот для ка-

заха — плоть от плоти его», «У богатого лик светел, а у бедного — все равно, что точило», «Джигит и волк добудут пищу в пути», «Стада почитаемых мужей находятся в людях, заботятся они о своем добре от безделия», «Рука, умеющая брать, умеет и давать», «Кто сумел нажитья, тот и прав», «Приносящий дары срывает завесу отчуждения», «Если на бая надежда плоха, то и на Бога не надейся», «Если голоден, скачи к дому, где поминки», «Берегись озера с глубокими берегами, да народа немилосердного». Подобных пословиц множество.

О чем они говорят? Не о науке и знаниях, не о мире и справедливости радеет казах, ему бы разбогатеть, да не знает — как? Вот и ловчит, хитрит, чтоб хоть лестью выманить богатств у других, не удасться — будет люто враждовать со всем светом. Отца родного не прочь обобрать и не сочтет это позором для себя. Не принято у людей осуждать тех, кто добывает себе скот обманом, подлостью, попрошайничеством, разбоем и другими ухищрениями...

Чем же отличается их ум от детского? Дети боятся раскаленного очага, взрослых не утратить и адовым огнем. Дети, стыдясь, готовы сквозь землю провалиться, а взрослые не ведают стыда. В этом их превосходство перед детьми? Не раздай мы им того, что имеем, не позволь мы им разорить себя, не опустишь мы до их уровня, они готовы отвернуться от нас.

И это народ, к которому мы тянемся душой?

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало успеха — единство, основа достатка — жизнь».

Но у каких людей бывает единство, и как они добиваются согласия между собой — казахи не знают. Полагают, что это — общность скота, имущества, еды. Если так, то какой прок от богатства и какой вред от нищеты? Стоит ли трудиться ради богатства, не избавившись прежде от родственников? Нет, единство должно быть в умах, а не в общности добра. Объединить можно людей различных по происхождению, религии и духу, щедро раздаривая им скот. Добиваться единства ценой скота — вот начало нравственного падения. Братья должны жить в согласии не потому, что находятся в зависимости один от другого, а надеясь на свои умения и силу, уповая каждый на собственную судьбу. Иначе они и Бога забудут, и делом не займутся, а станут искать напасти друг на друга. Погрязнут во взаимных обидах, будут клеветать, хитрить и обманывать друг друга. Как тут добиться единства?

«Жизнь — основа достатка». О какой жизни идет речь? О бытие ради того, чтобы душа тела не покинула? Но такое существование и собаке дано. Тот, кто дорожит такой жизнью, трепещет перед страхом смерти, становится врагом жизни небесной. Спасаясь, бежит от врага и слывет трусом, уклоняется от работы и слывет лодырем, превращается в противника истинного благополучия.

Нет, речь тут о другой жизни. О той, когда жива душа и ясен ум. Если ты жив, но душа твоя мертва, слова разума не достигнут твоего сознания, ты не сумеешь зарабатывать на жизнь честным трудом.

Бездельник, лживый зубоскал,
Нахлебник и нахал.
В душе холуй, на вид удал
Не ведает стыда.

Будучи таким, не сочти себя за живого. Праведная смерть предпочтительнее такой жизни.

Ребенок рождается на свет, наследуя два начала. Первое из них требует еды, питья и сна. Это — потребность плоти, без этого тело не может служить пристанищем для души, не будет расти и крепнуть. Другое — тяга к познаниям. Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подросши, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: «Что это? Зачем это? Почему он так делает?» — это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться.

Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не разнится от бытия иной твари.

Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?

Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению

души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествуя и каркая, не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула. Душа правила нами только в детстве. Повзрослев и окрепнув, мы не позволили ей повелевать собой, подчинили душу телу, на все окружающее смотрим глазами, но не разумом, не доверяемся порывам души. Довольствуясь внешним видом того, что охватывает взор, не пытаемся вникнуть во внутренние тайны, полагая, что ничего не теряем от этого незнания. На замечания и советы людей умных отвечаем: «Ты живи своим умом, а я своим проживу», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы не способны оценить их превосходства над нами, не понимаем смысла сказанного ими.

Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми — стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания.

Слово восьмое

Станет ли кто прислушиваться к нашим советам или внимать наставлениям? Кто-то волостной, а кто-то бий. Имея намерения учиться уму-разуму, разве стали бы они избираться на такие должности? Эти люди считают себя достаточно умными и стремятся к власти, чтобы учить и воспитывать других, будто бы достигли полного совершенства, и единственное, что им осталось — это других наставлять. Им ли

слушать нас, да и захоти они слушать, найдется ли у них на это время? Головы их заняты заботами: как бы ненароком не провиниться перед начальством, не обозлить вора, не смутить народ, не остаться внакладе, а найти выгоду. Кому-то надо пособить, кого-то вызволить. Все недосуг...

Богачи? Те ни в чем нужды не знают. Пусть на день, но им дано богатство, им кажется, что они владеют сокровищами чуть ли не половины мира, а чего им не хватает, то купят за скот. Взоры их высоко, а помыслы еще выше. Честь, совесть, искренность для них не дороже скота. Был бы скот, уверены, можно подкупить самого Бога. Скот заменяет им все — родину, народ, религию, родных, знания. Где им прислушиваться к чужим советам? Прислушался бы да времени нет. Надо скотину напоить-накормить, выгодно продать, от вора и волка учеречь, от холода укрыть да найти человека, который бы занялся всем этим. Пока все уладит-утрясет, до похвальбы доведет. Недосуг и ему!

А вор-злодей да мошенник лукавый так или иначе никого слушать не станут.

Бедняки, что смиреннее овцы, озабочены своим пропитанием. Что им советы, знания, учения, когда все это не нужно богатым? «Не трогайте нас, беседуйте с теми, кто больше нашего понимает», — говорят они, будто, если беден, так и знания не нужны. Им ни до кого нет дела. Имея то, что имеют другие, они и горя бы никакого не знали.

Слово девятое

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю? Когда б любил, одобрил бы их нравы, нашел бы в их поведении какую-нибудь малость, что принесла бы мне радость или утешение, позволила бы допольствоваться не теми, так иными их качествами, и не померкла бы надежда моя. Но нет этого. Когда б не любил, не стал бы говорить с ними, делиться сокровенными мыслями, советоваться, входить в их круг, интересоваться их делами, спрашивая «что там делают, что происходит?», полеживал бы себе спокойно, нет, — так вовсе откочевал бы от них. Надежды такой, что они изменятся или я образумлю, исправлю их, тоже не питаю. Не испытываю ни одного из этих чувств. Как же так? Должен бы склониться к чему-то одному.

Я хоть и живу, живым себя не считаю. Не знаю, от досады ли на людей, от недовольства ли собой, а может, и по какой иной причине. Внешне жив, внутри все мертво. Сержусь, но не испытываю гнева. Смеюсь, но не могу радоваться. Слова, произносимые мной, и смех кажутся мне не моими. Все чужое.

В молодые годы и не помышлял о том, что можно оставить свой народ, любил казахов всей душой, верил в них. Когда же довелось узнать людей, когда постепенно угасла моя надежда, обнаружил: нет уже той силы, которая позволила бы покинуть родные края, породниться с чужими. Поэтому в груди у меня сейчас — пустота. А вообще думаю: может, оно и к лучшему? Умирая, не буду страдать: «Увы, не привелось изведать еще такой-то радости!..» Не терзаясь сожалениями о земном, утешусь надеждой на предстоящее.

Слово десятое

Люди молят Бога о ребенке. Зачем человеку ребенок? Говорит, надо наследника оставить, чтобы сын кормил родителей на старости лет, молился за них после их смерти. Только и всего?..

Что значит оставить наследника? Боишься, после смерти твое имущество окажется без хозяина? Тебе ли печалиться о вещах, которые останутся после тебя? Или тебе жаль оставить их людям? Какие сокровища ты нажил, чтобы жалеть о них?

Хороший ребенок — в радость, плохой — в тягость. Как знать, какого ребенка даст тебе Бог? Или тебе недостаточно унижений, которые ты вынес за свою жизнь? Или мало гнусностей сотворил ты своими руками? Почему тебе хочется еще породить ребенка, вырастить его таким же негодяем, обречь его на те же унижения?

Хочешь, чтобы сын молился за тебя после твоей смерти? Если в жизни ты делал людям добро, кто не помолится за упокой твоей души? Но если ты чинил только зло, что тебе молитвы сына? Разве он сделает за тебя те благодеяния, которых ты сам не совершил?

Если просишь ребенка для радостей потусторонней жизни, значит заведомо желаешь ему ранней смерти. Если просишь для радостей этой жизни, разве родится у казаха такой сын, который бы, возмужав, окружил родителей заботой, ограждал их от мук? Твоему ли народу, такому ли отцу, как ты, воспитать подобного сына?

Ты хочешь, чтобы он кормил тебя, когда ты одряхлеешь? И это пустое. Во-первых, доживешь ли ты до немощной старости? Во-вторых, вырастет ли твой сын настолько милосердным, чтобы заботиться о твоей старости? Кто не возьмет на себя заботы

о тебе, если у тебя есть скот? Не будет скота, еще неизвестно, кто и как будет кормить тебя. Также неизвестно, будет твой сын множить добро или примется транжирить нажитое тобой.

Хорошо. Скажем, Бог услышал твои молитвы, дал тебе сына. Сумеешь ты дать ему хорошее воспитание? Нет. Не сумеешь. Мало тебе своих грехов, погрязнешь еще и в грехах сына.

С самого начала жизни ты будешь обманывать ребенка, суля ему то одно, то другое. И будешь радоваться, что удалось обмануть. Кого будешь винить, когда он вырастет лгуном? Учишь его сквернословить, поносить других, чуть что защищаешь: «Не троньте этого упряма», потакаешь его озорству. Отдавая в учение, выбираешь муллу за малую плату, лишь бы научить ребенка читать и писать, учишь хитрости и подлости, вселяешь в его душу недоверие к сверстникам, прививаешь дурные склонности. Это и есть твое воспитание? И от этого ребенка ты ждешь милосердия.

Люди так же молят Бога и о богатстве. Зачем человеку богатство? Ты молил Бога? Молил. Бог тебе дает, а ты не берешь! Дал он тебе силы, чтобы ты мог трудиться и наживаться. Разве ты тратишь эту силу на праведный труд? Нет. Бог дал тебе силы, чтобы ты мог учиться, дал разум, способный усвоить науки, но неизвестно, на что ты потратил их. Кто не сумеет разбогатеть, если будет трудиться без лени, добиваться без усталости, творить с умом? Но тебе ведь не это нужно. Тебе хочется получить богатство, запугивая, выпрашивая, обманывая других. Разве это мольба? Это попрошайничество, разбой, чинимый утратившим совесть и честь.

Ну скажем, выбрал ты этот путь, добыл себе скот. Так используй его на то, чтобы получить образование. Не для себя, так для сына. Без просвещения

нет ни веры, ни блага. Без знаний ни намаз, ни посты, ни паломничества не достигнут цели. Я еще не встречал человека, который бы, добыв богатство разбойным путем, использовал его на благое дело. То, что добыто собачьим путем и тратится по-собачьи. И не остается от такого богатства ничего, кроме горечи разочарования, злобы, душевных мук.

Пока богатство в его руках, он кичится им. Расстратив, хвалится тем, что и он когда-то был богат. Обеднев, опускается до попрошайничества.

Чем промышляет, как живет народ? Есть два средства. Одно из них — воровство. Вор надеется разжиться краденым, бай думает умножить свои стада, вернув похищенное с лихвой, власть имущий, обещая баю сыскать и возратить пропажу, а вору — избежать правосудия, обирает обоих. Обыватель плутует, донося на вора властям, в то же время оказывая ему мелкие услуги и скупая у него ворованное по дешевке. И другое — мошенники надоумливают людей на хитрости, о которых они и не помышляют, подстрекают: сделай так, и станешь знатным, сделай эдак — добудешь несметные богатства, обретешь славу неуязвимого, устроишь недругов. Разжигая нездоровые страсти, натравливая людей друг на друга, надеется сгодиться кому-нибудь из них, на том и греет руки.

Так и живут: вельможный — помогая баю и пособляя вору, бедняк — подыгрывая власть имущим, поддерживая их в спорах, примыкая то к одной, то к другой партии, за здорово живешь поступаясь собственной честью, продавая жену, детей, сородичей.

Не будь вора и мошенника, задумался бы народ.

Он бы и рад трудиться честно, тянуться к добру и знаниями, когда бы бай довольствовался тем, что имеет, а бедняк, не теряя надежды и веры, добивался бы того, чего ему не хватает.

Простой люд невольно посредничает в грязных делах. Кому под силу искоренить сие зло? Неужели канут в забвение понятия чести и клятвы, верности и совести?

Нашлась бы сила, способная укротить вора, но кто и каким путем образумит бая, из алчности потакающего лукавым наущениям мошенника?

Слово двенадцатое

Когда кто-то учит других слову божьему, хорошо ли, плохо ли делает он свое дело, у нас язык не повернется запретить ему проповедь, ибо нет ничего предосудительного в делах благонамеренных. Пусть наставляет, если даже сам недостаточно просвещен. Но ему следует помнить два непреложных условия.

Прежде всего, он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто, не завершив учебу, оставляет ее, тот лишает себя божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требует повторения или в каком месте может прерваться тот или иной намаз?

Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим — без бережливости и внимания не удержать в душе иман — веру.

И м а н — есть незыблемая вера в единого и всемогущего создателя, о бытии и существовании которого дано нам знать из посланий через его пророка, да благословит Аллах его имя.

Существует двойкий путь верования.

Одни принимают веру, убедившись в ее необходимости и справедливости, укрепляют ее в себе разумными доводами. Эту веру мы называем «якини иман»¹.

Другие веруют, черпая познания из книг и со слов муллы. Этим людям требуется особая приверженность к предмету своей веры, твердость духа, дабы выстоять перед соблазнами тысячи искусителей и не дрогнуть даже перед лицом смерти. Это есть «таклиди иман»².

Чтобы сохранить в себе иман, необходимо иметь отважное сердце, твердую волю, уверенность в своих силах. Но как нам быть с тем, кто не имеет знаний, позволяющих отнести его к приверженцам «якини имана», или не имеет твердых убеждений, легко поддается соблазнам и уговорам, из корысти называет черное — белым, белое — черным, клянется, выдавая ложь за правду, чтобы назвать его сторонником «таклиди имана»? Сохрани нас Аллах от таких людей. Каждый должен помнить, не существует имана помимо упомянутых. И пусть вероотступники не рассчитывают на беспредельность божьей милости, они не заслуживают ни прощения Аллаха, ни защиты пророка. Будет проклят тот, кто принимает за истину ложные пословицы: «Острие меча сильнее клятвы», «Нет греха, которого не простил бы Аллах».

¹ Я к и н и — истинная вера (арабс.)

² Т а к л и д и — традиционная вера (арабс.)

Слово четырнадцатое

Есть ли у человека что-либо драгоценнее его сердца? Называя кого-то человеком с сердцем, люди почитают его за батыра. Другие качества сердца они себе ясно не представляют. Милосердие, доброта, умение принять чужого за родного брата, желая ему благ, которые бы пожелал себе — все это веление сердца. И любовь — желание сердца. Язык, повинуясь сердцу, не солжет. Только лицемеры о сердце забывают. Те же, кого молва кличет «человеком с сердцем», часто оказываются людьми не стоящими похвалы. Если у них не в чести учтивость, верность данному обету, отвращение от зла, способность вести за собой заблудших, а не плестись за толпой жалким псом, умение смело постоять за правое дело, когда это трудно, не отступить от истины, когда это сделать легче легкого, то в груди тех, кого люди почитают за батыров, бьется не обыкновенное, а волчье сердце.

Казах ведь тоже дитя человеческое. Многие из них сходят с пути истины не от недостатка разума, а от того, что не имеют в сердце мужества и стойкости, чтобы принять советы умного и следовать им. Многим из тех, кто уверяет, будто совершил зло по незнанию, я не верю. Есть у них знания, но постыдное безволие и лень заставляют их пренебрегать этими знаниями. Оступившись раз, редко кто находит в себе силы для исправления.

Те, кого люди называют крепкими джигитами, храбрыми джигитами, ловкими джигитами, чаще всего подбивают друг друга на темные, скверные дела. Их слепое подражание друг другу, бездумная удаль приводят к несчастьям.

Если человек, предавшись дурным поступкам, безудержному бахвальству, не в силах остановиться и взыскать с себя, не пытается очиститься перед Богом

или собственной совестью, как назвать такого джигитом?

Вопору задаться вопросом — человек ли он?

Слово пятнадцатое

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть существенная разница.

Родившись на свет, человек не может жить, не увлекаясь интересными вещами. Дни увлечений и поисков остаются в памяти самыми светлыми днями его жизни.

Разумный человек интересуется достойными, серьезными делами, упорно добивается своей цели, и даже воспоминания о перенесенных невзгодах на пути к ней ласкают слух и радуют сердце его слушателей. В ней не найдешь и тени сожаления о прожитых годах.

Легкомысленный человек тратит время на ничего не стоящие, пустые, бессмысленные затеи. Хватившись, обнаруживает, что лучшие годы пролетели напрасно и позднее раскаяние не приносит ему утешения. В молодые годы он ведет себя так, будто молодость бесконечна, не сомневается, что впереди его ждут еще более заманчивые утехы и радости. Но очень скоро, утратив былую силу и гибкость, он оказывается не годным ни на что.

И еще одно искушение подстерегает людей, страстно увлекающихся — достижение успеха или приближение к нему дурманит им головы, пьянит. Хмель застилает разум, заставляет совершать оплошности, человек невольно привлекает к себе внимание окружающих, становится объектом людских пересудов и насмешек.

Разумные в такие критические моменты не те-

ряют рассудка, сдержанны и не выставляют своих чувств на всеобщее обозрение.

Глупый же скачет на неоседланном коне, воздев глаза к небу, словно обезумев, потеряв в пылу шапку и не обращая внимания на то, что полы его чапана покрывают зад лошади...

Вот что я видел.

Желаешь быть в числе умных людей, спрашивай себя раз в день, раз в неделю, или хотя бы раз в месяц: как ты живешь? Сделал ли ты что-нибудь полезное для своего образования, для земной или потусторонней жизни, не придется ли тебе потом испытать горечь сожаления?

Или же ты и сам не заметил, не помнишь, к а к и ч е м жил?

Слово шестнадцатое

Казах не беспокоится о том, угодны ли Богу его моления. Он делает только то, что делают другие — встает и падает, молясь. С Богом обходится примерно как с купцом, явившимся за долгом: «Это все, что имею, хочешь — бери, не хочешь — не из-под земли же я достану тебе скот». Не будет утруждать себя, думая, ломая язык, обучаясь, заботясь об очищении веры. «Это все, что знаю, не братья же за учебу на старости лет. Главное — не попрекнули бы, что не молюсь, а что язык коряв — не беда.»

Разве у него язык устроен не так, как у других?

Воля, Разум и Сердце обратились однажды к Науке, чтоб разрешить спор: кто из них важнее.

Воля сказала: «Эй, Наука, ты ведь знаешь, без меня ничто не достигает совершенства: чтоб познать себя, надо упорно учиться, а без меня этого не сделать; служить Всевышнему, поклоняясь ему, не ведая покоя, можно только с моей помощью; нельзя, если меня нет, добиться в жизни богатства, мастерства, уважения, карьеры. Разве не я оберегаю людей от мелких страстей и держу их в узде, не я ли предохраняю их от греха, зависти, соблазнов, не я ли помогаю им собраться и в последнюю минуту удержаться на грани пропасти? Как могут спорить со мной эти двое?»

Разум сказал: «Только я способен распознать, какое из твоих слов полезно и какое пагубно, будь то в земной или загробной жизни. Только мне дано постигнуть твой язык. Без меня не избегнуть зла, не найти выгоды, не постичь знаний. Почему эти двое спорят со мной? На что они годятся без меня?»

Сердце сказало: «Я — владыка человеческого тела. Кровь идет из меня, душа обитает во мне, без меня жизнь невысказима. Я лишаю сна, заставляю ворочаться тех, кто лежит в мягкой постели, вынуждаю их думать о бедных, не имеющих крова, мерзнущих и голодающих. По моей воле младшие почитают взрослых и снисходительны к меньшим. Но люди не стараются сберечь меня в чистоте и от этого страдают сами. Будь я чистым, не стал бы я делать различия между людьми. Я восторгаюсь добродетелью, я восстаю против зла и насилия. Самолюбие, совесть, милосердие, доброта — все исходит

от меня. На что годятся эти двое без меня? Как они смеют спорить со мной?

Выслушав их, Наука ответила:

— Воля, ты все верно сказала. В тебе еще много достоинств, о которых ты не упомянула. Ничего нельзя достигнуть без твоего участия. Но ведь в тебе таится и жестокость, равная твоей силе. Ты тверда в служении добру, но не меньшую твердость проявляешь и в служении злу. Вот что плохо в тебе.

Разум! И ты прав. Без тебя невозможно добиться в жизни чего-либо. Благодаря тебе мы узнаем о создателе, посвящены в тайны двух миров. Но это не предел твоих возможностей. Лукавство и коварство тоже творения твоих рук. И добрый, и злой опираются на тебя, ты верно служишь и тому, и другому. Вот в чем твой изъян.

Моя задача — помирить вас. Хорошо бы повелителем и вершителем в этом споре явилось Сердце.

Разум! У тебя множество путей-тропинок. Сердце не может следовать по каждой из них. Оно не только радуется твоим добрым замыслам, но и сопутствует тебе в них с охотой. Но оно не последует за тобой, если ты замыслил недоброе, и даже отстранится от тебя с брезгливостью.

Воля! В тебе много силы и мужества, но и тебя Сердце способно удержать. Оно не станет препятствовать в деле благоразумном, но в деле ненужном повяжет тебя по рукам.

Вам следует объединиться и во всем повиноваться Сердцу. Если вы все трое мирно уживетесь в одном человеке, то прахом с его ног можно будет исцелять незрячих. Не найдете согласия, я отдам предпочтение Сердцу. Береги в себе человечность. Всевышний судит о нас по этому признаку. Так сказано и в писаниях,— сказала Наука.

Человек должен одеваться скромно, содержать одежду в чистоте, быть опрятным. Тратить на одежду больше, чем позволяют средства, обременять себя излишней заботой о внешности, могут только щеголи.

Щеголи проявляют себя по-разному: один холит лицо, лелеет усы и бороду, нежит тело, ступает с важностью — то брови вскинет томно, то пальцами стучит, то локоть в сторону отставит; другой же подчеркнуто небрежен в своем щегольстве и, стараясь прослыть к тому же простецким парнем, как будто нечаянно обронит вскользь про лучшего скакуна и свои богатые наряды — мол, ничего особенного; усердствует, привлекая к себе внимание тех, кто стоит выше него, вызывает зависть в равных себе, а среди низших слывет примером недосыгаемой изысканности и роскоши. О нем говорят: «О чем можно тужить, имея такого коня и одеваясь как он?»

Все это и нелепо и стыдно.

Пусть никто не увлечется этой блажью, иначе трудно будет ему вернуть истинно человеческий облик.

В слове «кербез»¹ вижу родство со словами «кер»², «керден»³, предохраняющее людей от этих пороков.

Человек должен отличаться от других умом, знаниями, волей, совестливостью, хорошим нравом. Думать, что можно возвыситься иначе, может только глупец.

¹ Кербез — франт, щеголь

² Кер — чванливый

³ Керден — спесивый

Слово девятнадцатое

Дитя человеческое не рождается на свет разумным. Только слушая, созерцая, пробуя все на ощупь и на вкус, оно начинает познавать разницу между хорошим и плохим. Чем больше видит и слышит дитя, тем больше узнает. Многое можно усвоить, внимая словам разумных людей. Недостаточно обладать разумом — только слушая и запоминая наставления знающих, избегая пороков, можно стать полноценным человеком.

Но если человек постигает мудрые речи, неуместно восторгаясь или наоборот вяло, рассеянно, не переспрашивая непонятого, не стараясь вникнуть в суть сказанного или же не делает для себя никаких выводов, хотя чувствует их справедливость и пользу, что толку от того, слушает он или не слушает?

О чем говорить с человеком, который не знает цену слову?

Как сказал один мудрец, лучше пасти свинью, которая признает тебя...

Слово двадцатое

Все мы знаем — ничто не властно над судьбой. Человеку свойственно чувство пресыщения, оно не возникает по желанию, а определяется судьбой. Изведав однажды пресыщение, уже не освободиться от него. Если даже собравшись с силами отбросишь его, оно будет наступать и одолевать тебя.

Чем только человек не пресыщается! Надоедает ему, в большей или меньшей мере, все — еда, развлечения, щегольство, пиры, компании, стремление превзойти других, жена. Рано или поздно обнару-

жив порочность, бессмысленность всего, он разочаровывается и охладевает.

Жизнь человека, его судьба, так же, как и все, что существует на свете, переменчивы. Ничему живому на земле не дано состояние покоя. Откуда же взяться постоянству чувств?

Испытать пресыщение дано людям умным, которые в жизни стремятся к совершенству, многому знают цену, разборчивы, способны постичь ничтожность и суетность земного бытия. Постигшим скоротечность и тленность земной радости сама жизнь кажется постылой.

Я подумал: блажен тот, кто глуп и беспечен.

Слово двадцать первое

Трудно удержаться от самодовольства, будь оно в большей или меньшей степени. Я отметил два вида его: это гордыня и бахвальство.

Горделивый человек сам себе дает высокую оценку. Прилагает все усилия, чтоб не прослыть в народе невеждой, легкомысленным не сдерживающим своих обещаний, невоспитанным, чванливым, бессовестным лгуном, злопыхателем, мошенником. Понимает всю унижительность этих пороков, стремится быть выше их. Это свойство человека разумного, совестливого, возвышенного. Он согласен с тем, чтоб о нем не говорили ничего хвалебного, и сделает все возможное, чтоб его имя не поносили.

Другой же, бахвал, усердствует, чтоб о нем говорили как можно больше. Пусть все знают, что он — батыр, богат, родовит... Он упускает из виду, что люди непременно скажут и то, чего человеку не очень хотелось бы слышать о себе. Не то чтобы он забыл об этой стороне известности, просто даже

не обращает внимания на эту неприменную изнанку славы. Такие хвастуны обычно бывают трех видов.

Первый из них одержим желанием прославиться в чужих краях, среди незнакомых ему людей. Он невежда, но в нем еще теплятся некоторые человеческие качества.

Другой хочет стать известным и быть хваленым в своем роду. Невежество этого, полное, человечности явно недостает.

Третий ищет, чем бы похвастаться перед своими домочадцами или в своем ауле, ни один человек со стороны не одобрил бы его похвальбы. Вот этот — невежда из невежд, и он уже не человек.

Тот, кто желает заслужить похвалу среди чужих, будет стараться отличиться в своем роду. Тот, кто желает быть хваленым в своем роду, будет добиваться похвалы у своих близких. Тот, кто ищет похвалы у близких, уверен, добьется ее, расхваливая и вознося до небес самого себя.

* * * * *

Думаю, кого среди казахов сегодня я мог бы любить или уважать?

Уважал бы баю, да нет нынче такого; если и есть, он не хозяин своей воли и своего богатства. Враждуя с одними, из осторожности раздаст скот другим, оказываясь в итоге обязанным доброй сотне людей. Думает, оказал милость, откликнувшись на их покорные просьбы. По глупости своей так думает. Он сам находится в зависимости от них. Ни щедрым, ни милосердным его не назвать. На родной земле со своим народом бьется, добром сорит, распинаясь перед недостойными. Там, где баи не находят между собой согласия, плодятся всякого рода прохо-

димцы, страшат их и живут за их счет.

Стал бы уважать мырзу. Но не встретить в наши дни истинно щедрых, а тех, кто bestолку раздает скот направо и налево, больше, чем собак. Одни раздают скот добровольно, желая сыскать выгоду, другие — поневоле, иной так суетится, стараясь мырзой прослыть, будто приложили ему в одно место просоленную кошму, да только чаще всего тоже оказывается жертвою лиходеев.

Уважал бы волостного и бия. Однако нет в степи божеской управы и суда. Власть, купленная за деньги, не многого стоит.

Хотел бы уважить сильного, но вижу — все у нас крепки на худое дело, готовых на добрые дела не сыскать.

Найти бы человека у много и ему оказать почести. Но нет человека, чей бы ум был скор в служении делу совести и справедливости, а на хитрость и вероломство всяк горазд.

Уважал бы убогого и нищего, но ведь и его не сочтешь безгрешным. Не смотри, что на лежашего верблюда не может сесть. Будь у него сила, найдется и сноровка прихватить для себя что-нибудь тишком.

Остался кто? Хитрец да Хват. Этих нам не унять! Пока они других не разорят и по миру не пустят...

И что же, кого нам любить, за кого молиться? Смердящие волостные и бии не в счет. Остается тот тихий бай, живущий по причине своей кротости согласно пословице «Коль ищешь достатка, избегай раздоров». Этот у всех в немилости, хотя и раздает одну половину своего богатства, а другую половину тщится уберечь от вора и насильника.

Делать нечего, — его нам жалеть, за него молиться. Никого другого я не нашел.

Есть одна радость и одно утешение, которые проклятием висят над казахом.

Р а д у е т с я он, встречая скверного человека или видя чей-то дурной поступок, которого он сам не совершил, радуется и говорит: «Сохрани нас Аллах от такого-то! Ведь и он считает себя, человеком, рядом с ним мы — люди совсем чистые, совсем светлые». Разве Аллах сказал, что ему достаточно быть лучше такого-то? Или может, умные люди пообещали, что он не будет зачислен в плохие, коли разыщет человека, превосходящего его в невежестве и порочности? Разве станешь лучше, равняясь на мерзавца? Добру учатся у добрых людей. Можно понять того, кто на скачках приходит первым или интересуется, сколько еще лошадей впереди него. Но какой смысл спрашивать, сколько скакунов осталось позади? Какая радость знать проигравшему, пять или десять скакунов он обогнал?

В чем казах находит у т е ш е н и е? Он говорит: «Не мы одни такие, все так поступают, не следует выделяться, лучше быть с большинством. Той¹, который празднуешь со всеми, самый большой той». Разве Аллах велел ему существовать только в толпе? Или Аллах уже не властен над толпой? Или у Всевышнего не хватит оков на толпу? Разве высокой наукой овладевает любой человек? Или она под силу лишь единицам? Может, люди все до единого одарены гением? Или гениальность осеняет только одного из тысячи? Разве толпу нельзя унизить? Разве будет легче от того, что половину людей поразит недуг, а другая половина останется здоровой? Разве не нужен один человек, хорошо знающий местность, когда

¹ Той — праздник, пиршество

тысячи блуждают, не зная ее? Что лучше для путников, если разом оголодают все лошади или будет сытой хотя бы половина их? Что лучше, когда страдает от джута весь народ или уцелеет хотя бы половина его? В чем утешение одному дураку от того, что рядом находятся тысячи других безмозглых? Покорит ли невесту негодный жених, заявив, что у всего его рода дурно пахнет изо рта? Утешится ли невеста, узнав, что не только ее суженый обладает этим изъяном?

Миллионы

Говорят, нынче на земле живет более двух миллиардов человек. Из них нас, казахов, более двух миллионов.¹

Казахи, не сходны ни с одним другим народом в своем стремлении к богатству, в поисках знаний, постижении искусства, в проявлении чувства доброжелательности, силы, хвастовства или враждебности.

Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть.

Есть на свете города с численностью жителей более трех миллионов. Есть на свете люди, которые трижды обошли шар земной.

Неужели нам так и жить, подстерегая друг друга, оставаясь ничтожнейшими из всех народов на земле? Или все-таки наступят светлые дни, когда

¹ Абай приводит здесь неточные цифры. По итогам переписи населения 1897 года казахов, проживающих в областях, определенных с Российской империей, насчитывалось 4 млн. 84 тыс. (Я. Е. Володарский. Население России за 400 лет. XVI—XX вв. М., 1973, с. III)

люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниями, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем.

Вряд ли наступят такие дни. Сейчас на каждые сто голов скота зарятся двести человек. Разве они утихомятятся, пока не уничтожат друг друга?

Слово двадцать пятое

Хорошо бы дать казахским детям образование и вполне было бы достаточно научить их сначала хоть тюркской грамоте. Но такова наша извращенная действительность, что, прежде чем отдать детей учиться, надобно скопить богатство, к тому же необходимо знать персидский и арабский языки. [Толодному ли сохранить ясность ума, радеть о чести, питать прилежание к учению?] Скудость достатков, межродовые раздоры способствуют развитию в людях таких дурных наклонностей, как воровство, насилие, стяжательство. Будет скот, значит брюхо будет сыто. А там появится и тяга к знаниям, ремеслу. Начнут люди подумывать как бы получить образование или хотя бы детей чему-нибудь научить.

Нужно учиться русской грамоте. Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы избежать пороков русских, перенять их достижения, надо изучить их язык, постичь их науку. Потому что русские, узнав иные языки, приобщаясь к мировой культуре стали такими, какие они есть. Русский язык откроет нам глаза в мир. Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них, не унижается никчемными просьбами. Прослещение полезно и для религии.

Тот, кто живет раболепствуя, готов продать мать

с отцом, родных и близких, веру и совесть ради милостивого похлопывания по плечу. Иной не смотрит на то, что зад оголился, ему лишь бы заслужить одобрительную улыбку чиновника.

Русская наука, культура — ключ к мировым сокровищницам. Владеющему этим ключом все другое достанется без особых усилий.

Казахи, обучающие детей в русских школах, пытаются использовать их грамотность как знак превосходства в распрях с сородичами. Избегай этих намерений. Стремись научить детей честным и разумным трудом добывать свой хлеб, пусть другие последуют доброму примеру, тогда мы не будем терпеть произвол вельможничаящих русских, коль у них нет единого для всех закона. Нужно учиться, чтобы узнать то, что знают другие народы, чтобы стать равными среди них, чтобы стать защитой и опорой для своего народа. Пока из той молодежи, что получила русское образование, не вышло выдающихся личностей. Потому что родители и родственники портят их, сбивают с праведного пути. И тем не менее они намного лучше тех, кто не получил никакого образования. Жаль только, что всей их образованности хватает лишь на то, чтобы растолковывать чужие слова. Состоятельные люди редко отдают своих детей в учение, они скорее всего отдадут детей бедняков на поругание и унижение русским учителям. Чему они могут научиться, эти несчастные?

Ссорясь с родственниками, некоторые восклицают: «Чем терпеть ваши обиды, отдам сына в солдаты, а сам отращу волосы и бороду!» Не боятся такие люди ни божьей кары, ни людского позора. Чего может достичь отпрыск такого человека, если даже и получит образование? Да и многое ли даст ему это образование? Далеко ли уйдет он от других? Учатся

нбы как: пришел, посидел, ушел. Никакого стремления, никакого усердия. Отец с трудом соглашается отдать ребенка в учение, когда кто-то другой берет на себя все расходы. Разве он согласится расстаться с добром ради обучения ребенка?

Мой тебе совет, можешь не женить сына, не оставлять ему богатых сокровищ, но обязательно дай ему русское образование, если даже придется расстаться тебе со всем нажитым добром. Этот путь стоит любых жертв.

Бога почитай, людей стыдись! Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, отдай его в учение! Не жалея добра!

Останется он необразованным негодяем, кому от этого польза? Станет ли он утешением для тебя? Будет ли счастлив сам? Облагодетельствует ли свой народ?

Слово двадцать шестое

Казах бывает рад до безумия, когда его скакун на состязаниях приходит первым, борец, выставленный им, побеждает в поединке, борзая или ловчий сокол отличается на охоте. Не знаю, бывает ли в его жизни большая радость? Пожалуй, нет!

Но что за удовольствие находит он в том, что одно животное превосходит другое в ловкости и быстроте или в том, как один человек поборол кого-то? А оттого все, что у казаха нет большего врага, чем другой казах. Бурно восторгаясь по ничтожнейшему поводу, один старается своей радостью досадить другому, породить в нем зависть.

Известно, вызывать в людях зависть намеренно — значит нарушить шариат, повредить своим делам, противиться здравому рассудку. Что за утешение

приносит им чужая злоба? Почему это доставляет им удовольствие? И почему те, другие, огорчаются их успехам, чувствуют себя чуть ли не униженными?

Кровных скакунов заводят то в одном, то в другом ауле, ловчая птица, хорошая собака оказываются в руках то одного, то другого. И силачи не все родом из одного аула. Все эти достижения не являются плодом творения человеческих рук. Однажды опередивший, однажды осиливший не остаются быстрее и сильнее навсегда. Так почему люди, зная об этом, досадают так, как если бы обнаружили их собственные черные замыслы или постыдные дела? Огорчаются, словно их с землей сровняли?

Нетрудно догадаться: народ-невежда радуется всякому пустяку, не стоящему внимания. Радуясь, он теряет рассудок, хмелеет, не помнит, что говорит и творит. Стыдится не того, чего надобно стыдиться, и, совершив дело неприглядное, не покраснеет.

Вот они, признаки невежества и безрассудства. Скажи ему об этом, будет слушать и поддакивать: «Да-да, все верно». Но не вздумай поверить его словам, он — один из тех, многих. Видя глазами, понимая умом, он, словно безвольное животное, не в силах отказаться от порочного. И никому не под силу обуздать, переубедить, образумить его. Взяв за правило дурные поступки, уже никогда не отречется он от них. Только великий страх или смерть способны разлучить его с вредной привычкой.

Не встретить человека, который, признав свою неправоту, пытался бы обуздать себя.

Это слова Сократа, сказанные им ученому, одному из своих учеников Аристодему о служении всемогущему Создателю. Аристодем часто подсмеивался над верующими.

— Эй, Аристодем, как ты думаешь, есть на свете люди, творения которых были бы достойны восхищения?

— Их множество, учитель, — ответил тот.

— Назови хотя бы одного из них.

— Меня восхищают поэзия Гомера, трагедии Софокла, умение иных перевоплощаться в чужие образы, так же я восхищаюсь живописью Зевксиса, — Аристодем назвал еще несколько известных имен.

— Кто по-твоему достоин большего восхищения, тот, кто создает безжизненное изображение человека или Всевышний, сотворивший человека с его разумом и живой душой?

— Достоин последний. Но только в том случае, если его творения созданы силой разума, а не волей случая.

— В мире много полезных вещей. Польза одних очевидна, о назначении других нельзя судить по внешнему виду. Как ты думаешь, какие из них сотворены силой разума, какие случайно?

— Разумеется, вещи, польза которых очевидна — творения разума.

— Хорошо. Всевышний, создавая человека, наделил его пятью органами чувств, зная об их необходимости человеку. Он дал глаза, чтоб видеть, без них мы не могли бы наслаждаться красотами мира. Чтоб можно было открывать и закрывать глаза, даны веки, чтоб уберечь их от ветра и сора, даны ресницы,

чтоб отвести от глаз пот, стекающий со лба, даны брови.

Не будь у нас ушей, мы не могли бы слышать ни грохота, ни нежных звуков, не смогли бы наслаждаться пением и музыкой. Не имей мы носа, не могли бы различить запахов, нас не тянуло бы к ароматам, не отвращало бы от зловоний. Не имея языка и нёба, не отличили бы сладкое от горького, мягкое от жесткого.

Разве все это не на пользу нам сотворено?

Наши глаза и нос расположены близко ко рту, чтобы мы могли видеть и обонять запах того, что едим. Другие необходимые нам, но вызывающие брезгливость, отверстия находятся далеко от благородных органов, расположенных на голове.

Разве это не свидетельствует о том, что Бог создавал нас обдуманно?

Подумав, Аристодем признал, что Создатель истине всемогущ, и создавал свои творения с огромной любовью.

— Тогда скажи мне, все живое, что создано, питает нежную любовь к своему детенышу, все живое ненавидит смерть, старается прожить как можно дольше, заботится о продлении рода. Все создано для жизни и продолжения ее. Разве не из любви Бог создал их любящими, созидающими жизнь?

— Эй, Аристодем,— продолжал Сократ,— как ты можешь думать, что кроме тебя, человека, никто не обладает разумом? Разве не напоминает человеческое тело крупцу земли, по которой он ходит? Разве влага твоего тела не капля всей земной влаги? Откуда у тебя разум? Откуда бы он ни был, только благодаря душе, данной тебе, ты стал вместилищем столь высокого разума. Ты только видишь совершенство, цельность и гармонию закона, по которому

создана природа, видишь, поражаешься, но не охватить тебе сознанием того, что видишь.

Как ты думаешь после этого, природа — бесцельное порождение случая или создание творца — обладателя неизмеримого разума? Если не волей разума, то силой нерушимой закономерности, соизмерившей благоразумие и назначение всего созданного, объясняется тайна, которая не подвластна человеческому сознанию.

— Верно все, что ты говорил, — ответил ученик, — ясно, что Создатель обладает поистине великим разумом. Я не оспариваю его всемогущества. Но не перестаю удивляться тому, что всемогущий Создатель нуждается в моих молитвах.

— Аристомед! Ты ошибаешься. Если существует кто-то, кто печется о твоём благополучии — ты в долгу перед ним. Неужели ты нуждаешься в объяснении такой простой истины?

— Откуда мне знать, заботится он обо мне или нет?

— Тогда посмотри на всех животных и посмотри на себя. Разве мы одинаково воспринимаем действительность? Человек способен думать о своем прошлом, настоящем и будущем. Животное же смутно помнит свое прошлое и настоящее, а о будущем и не помышляет. Сравни внешний облик человека и животного. Человек стоит прямо, на двух ногах, чтобы зреть окружающее. Он способен подчинить своей воле любое животное. Животные же надеются только на свои ноги, на свои крылья, не умеют подчинить себе своих собратьев. Создай Бог человека таким же беспомощным, как животное, тот бы ни на что не годился. Человек сотворен владыкой всего живого на земле. Будь у животных человеческий разум, вряд ли их внешний облик соответствовал бы способности трудиться, учить других красноречию и добродетели.

Подумай, разве бык способен построить город, изготовить инструменты, оказаться искусным мастером? То, что Бог наделил человека высоким разумом и поместил этот разум в столь совершенное, гармонически сочетающееся в себе духовную мощь и нравственную красоту тело, доказательство того, что Бог создавал человека, заботясь о нем. Разве после этого человечество не обязано поклоняться Богу?

Так закончил учитель беседу.

Слово двадцать восьмое

Мусульмане! Существуют на свете богатые и бедные, здоровые и хворые, разумные и глупые, добрые и злые. Если кто спросит, отчего это так, вы ответите — такова воля Аллаха.

Но случается, Аллах вознаграждает богатством всеми презираемого лодыря, а другой, поклоняясь Богу, честно трудится, и все-таки живет в нужде, кое-как питает жену и детей. Безобидный тихий человек часто болен и немощен, а какой-нибудь мошенник и вор наделен дюжим здоровьем. У одних и тех же родителей один из детей рождается умным, другой глупым. Аллах призывает всех быть добродетельными, жить честно. Готовя праведным место в раю, грешникам муки ада, одних он направляет по верному пути, других по ложному. Разые это не противоречит божьему милосердию, его справедливости? И люди, и все их имущество принадлежит Аллаху. Он обращается со своей собственностью так, как ему заблагорассудится.

Как нам понять его деяния?

Твердить, что Создатель безгрешен, значит, признав его несовершенства и погрешности, продолжать молчать об этом из страха? В таком случае чего

может добиться смертный своими стараниями и усилиями? Все творится по воле Создателя. Людям не в чем винить друг друга. Разве творя добро и зло, они не исполняют волю Господа?

Разумный человек должен знать, долг верующего — творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: «Да познает меня обладающий разумом»? Если существует в нашей религии изъян, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их; Бог создал богатство и бедность, но не он сделал людей богатыми и бедными; Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе, все — тлен.

Слово двадцать девятое

Есть среди казахских пословиц заслуживающие внимания, но есть и такие, которые не несут в себе ничего божеского либо человеческого.

Говорят: «Если живешь в нужде, забудь о стыде». Да будет проклята жизнь, не ведающая стыда! Если же это добрый совет не брезговать любой тяжелой работой, будучи в услужении, то в таком труде нет ничего постыдного. Заработать свой хлеб честно, вместо того чтобы перебиваться милостыней или прозябать в безделии — удел совестливого человека.

«Ловкий может и снег зажечь», «Умелой просьбой можно все выпросить» — вот они, Богом проклятые слова! Чем жить, уповая на ловкость и вымаливая крохи с чужого стола, не лучше ли брать богатства у земли, трудясь в поте лица?

«Если безвестно имя твое, подожги поле». Какая необходимость в дурной славе?

«Лучше один день быть бурой¹, чем сто — выхощенным верблюдом». На что нужна жизнь одного дня, проведенная в безумствах, приносящих только опустошение?

«При виде золота и ангел сходит с праведного пути». Да быть им жертвой на пути ангела! Зачем ангелу золото? Сказав это, люди оправдывают свою же алчность.

«Богатая казна милее отца с матерью, Собственная жизнь дороже золотого дворца». Какую цену можно дать за жизнь того негодяя, которому казна кажется милее отца с матерью? Только человек, лишенный ума и чести, может променять отца с матерью на золото. Родители² наживают добро, заботясь о благе детей, и тот, кто равняет родителей с казной, совершает богопротивное дело.

Нужно быть осторожными, повторяя пословицы, порожденные ханжеством и недомыслием.

Слово тридцатое

Бытует у нас так называемые «болтливые хвастуны», на сорока из них не уедешь дальше аула. На что они годятся? Кому какая польза от них? Нет у них ни здравого ума, ни самолюбия, ни широты взглядов, ни глубокого мышления, не отличаются они ни силой, ни доблестью, ни человечностью, ни совестливостью.

Бросит иной из них небрежно через плечо: «Ах, оставьте. Кто кого лучше? Чья голова, думаете, при-

¹ Верблюд-производитель.

торочена к чужому седлу? Разве он кладет мясо в мой котел или дает мне дойный скот?»

Или вскинется с отчаянной решимостью: «Мне ли жизнь свою щадить? Да чего она стоит? Ради благородного дела готов хоть под пули, хоть в ссылку. Все одно смерти не миновать!»

Встречался вам когда-нибудь казах, действующий в соответствии с подобными словами? Я не видел среди них смирившихся перед властью смерти, но ведь они никогда не выкажут и страха перед ней. При случае любой из них жертвенной готовностью рассечет себе горло ладонью : «Да быть мне зарезанным на месте!»

Когда б эти слова были искренни, их хозяин мог бы сразить нас если не умом, так неслыханной храбростью. Но как нам назвать того, чья угроза рассчитана на трусов, от страха готовых забраться в любую щель при серьезных стычках? Если это всего-навсего напускная отвага, с помощью которой он добивается признания малодушных: «Уж больно страшен гнев этого кафира!»?

Бог мой! Будь он прекрасен душой, щедр и бескорыстен, смел и верен слову, разве не угадывались бы эти достоинства по одному его виду?!

А этот один из тех нечестивцев, о которых говорят: «Бесстыжему лицу и челюсти неумные даны».

Слово тридцать первое

Существует четыре причины, способствующие восприятию и запоминанию услышанного:

во-первых, нужно утвердиться духовно и быть непреклонным;

во-вторых, слушать советы умных людей со вниманием и открытым сердцем, с готовностью и желанием уяснить смысл сказанного;

в-третьих, вдумчиво, неоднократно повторять про себя эти слова, и закреплять их в памяти;

в-четвертых, следует избегать вредных свойств ума, если даже придется подвергнуться искушениям этими силами, не поддаваться им.

Вредные свойства ума: беспечность, равнодушие, склонность к беспричинному веселью, тяга к мрачным раздумьям и губительным страстям. Вот эти четыре порока способны разрушить и ум, и талант.

Слово тридцать второе

Тем, кто стремится усвоить науку, необходимо знать условия, без которых невозможно достичь цели.

Во-первых, обретая знания, не ставь себе задачи получить через них какую-нибудь выгоду. Чтобы заняться наукой, прежде всего нужно полюбить ее, иметь стремление к ней. Если ты ценишь знания как высшее благо, каждое открытие новых истин принесет твоей душе покой и удовлетворение. Крепко запоминай то, что ново для тебя, тогда появится стремление к поискам, любовь к науке, память хорошо усвоит и запечатлеет в себе то, что ты видел и слышал.

Если же мысли твои заняты другим, а науку ты ищешь из жажды накопительства, твое отношение к знаниям будет таким же, как отношение мачехи к пасынку. Когда душа и мысли поистине благосклонны к науке, она и сама становится благосклонной — легко дается. С половинчатой благосклонностью она и воспринимается половинчато.

Во-вторых, изучая науку, ставь перед собой ясные и благородные цели, не стремись приобрести знания для того, чтобы иметь возможность спорить с другими. В разумных пределах споры помогают обрести твердость в убеждениях, но чрезмерное увлечение ими только портит человека. Потому что охотники до словесной перебранки чаще всего затевают споры не для выяснения истины, а чтоб блеснуть своими знаниями, одержать верх над другими. Такие споры рождают зависть, они не прибавляют человечности, не служат науке, напротив — сбивают людей с толку. Это — занятие смутьянов. Тот, кто сбивает с праведного пути сотни людей, не стоит мизинца того, кто возвратил на путь истины хотя бы одного человека!

Да, споры — один из путей науки, но тот, кто втягивается в них, рискует стать самодовольным спесивцем, завистливым сплетником. Такому человеку в спорах не чужды и ложь, и злословие, и брань, унижающие человеческое достоинство.

В-третьих, если ты добился истины, не отступай от нее даже под страхом смерти. Если твои знания не способны убедить тебя, не думай, что кто-то другой оценит их. Если ты сам не ценишь своих знаний, как ждешь признания других?

В-четвертых, существуют два орудия, способствующие приумножению знаний. Одно из них — мулаха-

за¹, и другое — мухафаза². Эти способности должны находиться в непрестанном совершенствовании. Не усилив их в себе, не умножить знаний.

В-пятых, в девятнадцатом Слове сказано о четырех губительных недостатках ума, среди них тот, что называют б е с п е ч н о с т ь ю, п р а з д н о с т ь ю ума. Душа моя, заклинаю, остерегайся этого зла! Оно губительно и для Бога, и для человека, и для разума, и для чести. Оно — враг всему! Но там, где жива совесть, этому недостатку нет места.

В-шестых, сосуд, хранящий ум и знания — характер человека. Воспитывай свой характер! Предавшись зависти, легкомудрию, то и дело попадая под влияние чужих речей и сиюминутных увлечений, можешь утратить твердость характера. Не будет пользы от учения, если нет надежного хранилища для знаний.

Для того, чтобы достигнуть намеченной цели и быть верным своему долгу, в характере человека должны быть постоянство, решимость, сильная воля, способные сберечь трезвость рассудка и чистоту совести.

Все должно служить делу разума и чести.

УЧЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО

Хочешь быть богатым — учись ремеслу. Богатство со временем иссякает, а умение — нет. Тот, кто продает плоды своего ремесла без обмана, в народе считается святым. Но тех, кому Бог даровал хоть какое-нибудь ремесло, не минуют и пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших масте-

¹ М у л а х а з а (араб.) — тонкое искусство ведения полемики.

² М у х а ф а з а (араб.) — твердость в отстаивании своих позиций.

ров, чтобы перенять их опыт и не стремятся достичь большего мастерства. Довольствуясь тем малым, что имеют, считают, что этого вполне достаточно и предаются лени.

Во-вторых, нужно трудиться неустанно. А им стоит приобрести два-три поголовья скота, как они начинают воображать себя утопающими в благополучии, начинают бездельничать, чваниться, дело свое делают спустя рукава.

В-третьих, стоит кому-нибудь обратиться к ним с просьбой: «ты мастер, братец, ты щедр» или «что тебе стоит сделать для меня то-то и то-то», как они начинают думать с самодовольством, что дожили до дней, когда люди начали обращаться к ним с просьбами. Возгордясь, поддавшись лести они теряют свое драгоценное время, дают повод торжеству лукавого льстеца.

В-четвертых, такие люди домогаются приятельских отношений с кем бы то ни было. Достаточно пройдохе подарить им какую-нибудь мелочь, пообещать помочь, назвать другом, они и рады, что оказались нужны кому-то, что годятся в друзья. Тут-то и сказываются их наивность, незнание жизни. Доверившись лживому языку, безумно радуясь приветствию мнимого друга, они стараются сделать для него все, если ему чего-то не хватает, делятся с ним собственным добром, забывают о еде, одежде, о своих заботах и обязанностях, когда поджигает нужда, бегают, выпрашивая взаймы. Угождая другим, тратят без пользы время, остаются без доходов, втягиваются в раздоры из-за долгов, теряют свой человеческий облик, живут в нищете и бесславии.

Почему так происходит? Порой люди, способные провести кого угодно, сами легко оказываются обманутыми.

Все знают, что люди смертны, что смерть приходит не только за старыми, и взяв кого-то, она никогда не возвращает его. Казах верит в это поневоле, а не потому что доходит до этой истины путем глубокого размышления.

Казахи твердят, что верят тому, что есть Бог, который спросит после смерти за все, за добро оплатит добром и накажет за зло, что наказание и награда его отличаются от мирских, воздаяния его бесконечно щедры, а кара неизмеримо жестока. А мне не верится в их слова. Потому что они не веруют искренне и осознанно. Поверь они в это, творили бы добро соответственно своей вере и не знали бы печали. Разве возможно убедить их в чем-то другом, когда даже в эти истины они веруют смутно? Каким путем исправить их? Можно ли назвать их истинными мусульманами?

Тот, кто хочет избежать мучений на этом и на том свете, должен помнить: не бывает в душе одновременно двух радостей, двух страстей, двух противоречий и двух горестей. Это невозможно. Тот, для кого земные радости и земные печали выше забот и радостей потустороннего мира, не мусульманин.

Насколько казах мусульманин судите теперь сами. Если бы встретились ему две вещи, одна из которых предназначена для потусторонней жизни, вторая — для земной, и предстояло бы ему выбрать что-то одно, казах не упустил бы случая выбрать вторую, полагая, что приобретет первую в другой раз, а если не будет случая, Аллах великодушно простит его за выбор. Перед судом смерти этот человек будет клясться, что не променял благо потустороннего мира на земные радости. Как ему верить после этого?

Человек человеку друг. Потому что все в жизни —

рождение, воспитание, чувство сытости, голода, печали, горя, форма человеческого тела, путь, которым являешься на свет и которым уходишь из него — все у всех одинаково; и в другом мире — смерть, погребение, тление, допрос на Страшном суде — все общее. Как знать, проживешь ты еще пять дней или нет? Все люди гостят друг у друга, сам человек — гость в этой жизни, так стоит ли злословить, враждовать из-за богатства, завидовать чужому счастью, коситься друг на друга из-за пустяков?

Преклоняться не перед Богом, а перед человеком, молить не о благословении своего труда, а о том, чтобы добро для тебя было отнято у других, разве с подобной просьбой следует обращаться к Аллаху? Разве создатель может ради одного унижать и обездоливать другого?

Не имея ни здравого ума, ни образования, не умея связать двух слов, упрямо настаивать на своем, тягаться с мудрыми,— разве это достойно звания человека?

И что это за человек?..

Слово тридцать пятое

Призвав к Суду ходжей, суфи, мулл, жомартов¹ и сеидов, Всевышний строго спросит с них. Поставит отдельно тех, кто был ходжой, суфием, муллой, жомартом и сеидом, но служил и был благотворителем при жизни лишь ради того, чтобы жить в почете и пользоваться всеми благами. И поставит отдельно тех, кто служил ради служения Аллаху, старался быть угодным ему.

И скажет тем, кто возносил ему хвалу из ко-

¹ Ж о м а р т — щедрый, занимающийся благотворительностью.

рысти: «Вы при жизни служили ради того, чтобы к вам обращались уважительно — софеке, ходжеке, молдеке, мырзеке. Здесь этого не будет. Ваша счастливая жизнь кончилась, кончилась ваша власть над людьми. Здесь вы не то что почитаемы будете, а наоборот, спросится с вас за все. За все придется отвечать! Я дал вам жизнь, наделил богатством. Вы же использовали это для наживы, обманывали людей, прикрываясь заботой о потустороннем мире».

Тем же, кто старался честно служить, он скажет: «Вы жизнью своей и всеми делами старались угождать мне. Я доволен вами. Для вас мной уготовано место почетное, проходите же! Возможно, здесь вы встретите друзей и тех, кому делали добро, или тех, кто содействовал вашим добрым намерениям. Радуйтесь же!»

Слово тридцать шестое

В хадисе¹ нашим пророком, да благословит Аллах его имя, сказано: «У кого нет стыда, у того нет и веры». В народной пословице говорится то же самое: «У кого есть стыд, у того есть иман». Становится очевидным: стыд — есть неотъемлемая часть имана. Но что такое стыд?

Существует стыд, порожденный невежеством. Это схоже с застенчивостью ребенка, который стыдится вымолвить слово или подойти к незнакомому человеку, хотя никакой вины его ни перед кем нет. Не имея вины перед шариатом, перед собственной совестью, стыдиться того, чего не следует стыдиться — верный признак глупости и низкородности.

Истинный стыд тот, который испытывают, совер-

¹ Х а д и с — предания

шив поступок, противный законам шариата, совести, человеческому достоинству. Такой стыд бывает двух видов.

Один из них — когда стыдишься не за себя, а за провинность другого. Стыдишься, потому что сострадаешь человеку, и думаешь: «Япырай, что стало с этим человеком? Почему он вдруг поступил так недостойно?» — краснеешь за него.

Другой стыд вызван своей совестью, собственной провинностью перед шариатом, перед своей совестью и человечностью, допущенной по ошибке или случайному инстинкту. Может, никто кроме тебя и не знает о твоей провинности, но твой разум и естество терзаются, наказывают себя. Ты не находишь себе места, не можешь смотреть людям в глаза, мучаешься.

Люди, способные переживать такой стыд, отказываются от еды, теряют сон, случается, что в отчаянии они кончают жизнь самоубийством. Стыд — это человеческое достоинство, заставляющее изнутри признать свою вину и вынести себе наказание. В такие часы и мысли в голову не идут, и слова как будто теряются. Некогда утереть слезы из глаз и влагу из носа. Человек уподобляется жалкому псу. Он не только не может смотреть людям в глаза, но и вообще ничего не видит. Тот, кто знает о таких терзаниях, но вместо того, чтобы великодушно простить виновного, усиливает его страдания, лишен человечности и милосердия.

Люди, которых я вижу сейчас, не стыдятся ничего и не умеют краснеть. «Я же признал свою вину, чего еще?» — говорят они. Или оправдываются: «Ладно, я опозорился, но ведь и ты так поступаешь?» Или говорят: «Вот такой-то и такой-то сделали то-то и то-то, но ходят по земле, как ни в чем не бывало. Я же, по сравнению с ними можно сказать, ничего плохого не совершил. К тому же у меня была при-

чина так поступить». Вместо того чтобы устыдиться содеянного, они обеляют себя.

Как нам назвать такого, человеком стыдливым или не ведающим стыда? Назвать стыдливым не позволяют хадис и слова, сказанные мудрыми...

Как нам понять, есть у этих людей иман или нет его?!

Слово тридцать седьмое

1. О достоинствах человека суди по тому, как он начал дело, а не по тому, как ему удалось завершить его.

2. Как ни прекрасна мысль, пройдя через человеческие уста, она тускнеет.

3. Сказав мудрые слова самонадеянному невежде, порой обретаешь утешение, но чаще всего от них не остается и следа.

4. Твори благо разумному, глупого оно только портит.

5. Сын своего отца для других — враг. Сын человеческий — твой брат.

6. Достойный, попросив многого, довольствуется малым, ничтожный просит много, но останется недовольным, если дашь больше, чем он просит.

7. Тот, кто трудится для своего блага, уподобляется животному, которое пасется только для себя; того, кто трудится, выполняя человеческий долг, всевышний метит своей любовью.

8. Кто отравил Сократа, кто спалил Жанну д'Арк, кто казнил Гайсу, кто закопал нашего пророка в останках верблюда?— Толпа. Толпа безрассудна. Сумей направить ее на путь истины.

9. Человек — дитя своего времени. Если он плох, в том виноваты и его современники.

10. Будь в моих руках власть, я бы отрезал язык тому, кто твердит, будто человек неисправим.

11. Остаться одиноким — все равно что умереть. Все беды падут на голову одинокого. В миру много порочного, но и утешение, и веселье существуют в нем же. Кто с достоинством выдержит первое? Кто устоит во втором?

12. Кому из нас не приходилось бывать в беде? Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве после суровой зимы, не приходит полноводная цветущая весна?

13. Если некто молчит в гневе, значит всю силу гнева он затаил в себе. Извергающий черную брань — обычно хвастун или трус.

14. Успех и счастье опьяняют человека. И только один из тысячи умеет сохранить хладнокровие и разум.

15. Если хочешь, чтоб дела твои ладилась, берись за них разумно.

16. Высокая должность — все равно что высокая скала. На нее и неторопливая змея вползет и быстрокрылый сокол взмлет. Недоброжелатели начинают хвалить тех, кто еще не достиг вершины, а эти, легковверные, радуются их словам.

17. Мир — океан, время — веяние ветра, ранние волны — старшие братья, поздние волны — младшие братья. Поколения сменяются чредой, а кажется — незыблем их покой.

18. Простолудин, прославившийся умом — выше царя, вознесенного удачливой судьбой. Юноша, продающий свой труд, достойнее старца, торгующего своей бородой.

19. Сытый попрошайка — дьявол во плоти, ленивый суфи — лицемер.

20. Плохой друг — все равно что тень, когда солнце

над головой, от нее не избавиться; когда тучи сгущаются, ее не сыщешь.

21. Будь откровенен с тем, кто одинок, поддержи хорошие отношения с теми, у кого много друзей. Будь осторожен с беспечным, и стань опорой обездоленному.

22. Бесплезны и бесплодны: бессильный гнев, любовь без удачи.

23. Пока ты добиваешься счастья, добра тебе желают все, но как только ты достигнешь цели, твой добродетель — лишь ты сам.

Слово тридцать восьмое

Дети мои, утешение сердца моего! Вот написал несколько слов о человеческих деяниях и завещаю написанное вам, как память. Прочтите со вниманием, вникните в суть этих слов, и ваши сердца преисполнятся любовью. Любовь человека неотделима от его разума, человечности, знаний. Исходной, изначальной причиной этих свойств являются те совершенства, которые даются человеку от рождения — крепкое здоровье, прекрасная внешность, все остальное зависит от благородства отца и матери, от мудрых наставников и добрых друзей. Устремленность и понятливость порождаются любовью. А разум, человечность и знания будят в человеке интерес к науке.

Ребенок по доброй воле не тянется с ранних лет к учебе. Приходится его принуждать или привлекать до тех пор, пока у него не возникнет жажда знаний. Ребенка, имеющего стремление к знаниям, можно считать человеком, можно питать надежду на то, что он будет стремиться познать Бога, понять себя и окружающий мир, что он научится приобретать добро, не поступаясь честью, и будет избегать зла.

Иначе ему суждено пребывать в невежестве, в лучшем случае получит он весьма поверхностные знания. Скверно, что многие родители, дурно воспитавшие своих детей, затем отдают их на попечение мулл, ибо пользы от этой учебы нет. Развращенные сызмальства дети не могут иметь интереса к знаниям, религии, почтения к своим наставникам. Не получится из них полноценных людей, добросовестных мулл, истинных мусульман. Самое сложное — воспитать в них человечность. Потому что Аллах — это путь истины, а искренность и правдивость — враги зла. Разве друг явится на приглашение, посланное через врага? Не добиться истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жаждой открытия для себя природы и сути вещей. Это не божие всезнание, любознательность и стремление к наукам дают человеку знания лишь соразмерные его рассудку.

Но прежде всего надобно возлюбить Аллаха. Известно, что Наука — один из ликов Всевышнего, потому и любовь к Науке — признак человечности и искренности. Не достигнуть вершин Науки, занимаясь ею для стяжательства, достижения корыстных, низменных целей. Пусть богатство, всеобщее уважение и слава сами найдут человека, только тогда они смогут стать достойным украшением его. А преклонение перед ними приижеет человека.

Если ты обрел любовь к истине, желание учиться — найди в себе внимательный слух и искреннее прилежание. Исповедующие ислам прежде всего должны знать, в чем заключается истина имана, ибо иман — это не слепое поклонение. Скажем, поверили мы в Бога, в то, что слова Корана — изъявление его воли, что Мухаммед Мустафа, да будет благословенно его имя, является посланником его. Что нам дает такая вера? Ты веруешь в Бога ради

него или ради своего спасения? Аллах велик и он не пострадает от твоего неверия. Если ты утверждаешь, что вера твоя необходима тебе самому, хорошо, значит, ты веруешь. Но если это — вера ради веры, пользы от нее тебе не будет. Твоя вера окажется поистине праведной, принесет пользу, когда ты сам этого жаждешь. Нужно знать, какими усилиями достигается осознанная, разумная вера...

Ты сказал, что веришь в Бога, в его лики и имена. Тогда ты должен знать его имена, понять величие сущности каждого из восьми его ликов, назвавшись мусульманином, почитать себя рабом Всевышнего и стараться подчинить свои помыслы его воле. Не тверди невежественно, что невозможно уподобиться Богу. Действительно, нельзя в точности воспроизвести творения Всевышнего. Но подражай во всем делам его, следуй указанным им путем. Вот светлейшие лики Аллаха: Жизнь, Наука, Могущество, Зоркость, Чуткость, Желание, Слово, Созидание.

Создатель наделил человека этими восемью ликами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам ими обладает.

Можем ли мы называться мусульманами, направляя данные нам, пускай мизерные, но все же способности не по назначению, не употребляя их в угоду Всевышнему? Нужно знать, каким образом уподобить свои действия восьми величайшим качествам Аллаха, ибо природа Аллаха такова, что не нуждается в нашем описании, этого не требует наш разум, нуждающийся в ясности представления Бога в восьми упомянутых ликах. Не зная их, нам не составить представления о Всевышнем. Поскольку мы знаем Аллаха по мере его проявлений, познать его окончательно не дано никому. Даже мудрейшим из мудрых не разобраться в его деяниях, не то чтобы постичь внутреннюю сущность его природы. Аллах всемогущ,

наши возможности ограничены. Измерить конечным бесконечное — невозможно. Стараясь закрепить в сознании понятия о нем, мы твердим: Аллах есть, Аллах един. Но самое понятие «есть», «един» не соответствует непостижимой сущности Аллаха, ибо любое возможное в действительности явление не минует измерения «един». Применимо оно ко всему мирозданию, которое находится во владении Аллаха, о чем поведано нам в писаниях, где также упоминается восемь неизменных ликов и девяносто девять благостных имен Аллаха, выражающих неповторимый образ и действия его.

Я же хочу повести речь о четырех ликах — первые из них — Наука и Могущество, остальные являются неотъемлемой составной частью, дополняющей и объясняющей сущность этих двух. Отмечу еще одно из шести ликов — Жизнь.

Мы говорим: Аллах есть, Аллах един, характеризуем и воспринимаем его, как Могущество Науки. Задумаемся, имеют ли реальную силу понятия «есть», «един», «могущество», «наука»? Не приходится сомневаться в том, что могущество науки — реальная сила: где Жизнь, там и Желание. А там, где Наука, Желание тоже неизбежно. Наука сама по себе ничего не дает. Все на свете приводится в движение могуществом Всесильного. Одним из свойств, присущих Желанию, является Слово, то есть речь. Разве Слово может обойтись без буквенных знаков и голоса? Только слово Аллаха беззнаково и безголосно. Но коли есть потребность говорить, значит есть способность слышать сказанное и видеть зримое, не так ли? Аллах слышит и видит не так, как мы — ушами и глазами, что является господствующим преимуществом, то есть Могуществом Науки.

Следующий из его образов — С о з и д а н и е,

то есть претворение в жизнь. Если считать, что Созидание — одно из ликов Аллаха — пребывает в непрерывном претворении, не освобождаясь от этого, не обособляясь, как Наука и Могущество, а находясь в подчинении и принуждении, это указывало бы на его бессилие и зависимость. А зависимость — не к лицу Аллаху. Созидание — утверждает Могущество. Отсюда следует — благодаря Науке и Могуществу находят единение все восемь ликов Аллаха. Наука безмерна и совершенна. Могущество — всесильно. О мастере судят по его делам. Ни одному смертному не дано объять разумом — каким колоссальным трудом сотворено и какой могущественной силой собрано в единое целое все, что видим и ощущаем.

Если у земного существа разум является его властителем, а сила служит ему во всех его деяниях, напрашивается вывод: не те ли свойства служат и Аллаху? Понятия Наука и Могущество должны восприниматься совместно — «Всезнающее Могущество», иначе — одно из них окажется ведущим, другое ведомым. Что тоже противоречит учению Аллаха.

В таком случае может оказаться, что восемь ликов Аллаха, не сливаясь в единый образ, превратятся в разные и самостоятельные лики? Все эти свойства исходят от одного Создателя, все вместе они олицетворяют единый и неповторимый образ Аллаха. Усматривать преднамеренность их соединения — для создания могущественного образа — было бы ошибкой.

Сила человека заключается в его разуме и знаниях. Могущество Всевышнего выражено в Науке и Милосердии. Хотя Милосердие не упоминается в числе восьми его ликов, оно поясняется смыслом следующих его имен: Всемилостивый, Милосердный, Сострадательный, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельный,

Дарующий, Учтивый. Эти имена Аллаха подтверждают мои доводы. Логику моих изложений также подтверждает удивительная гармония сотворенного мироздания. Ведь все на свете создано так, что одно служит интересам другого. Неживые тела не чувствуют боли и служат пищей одушевленной твари; животные поддерживают жизнь разумных существ — людей; животные освобождены от ответа перед Страшным судом, а человек наделен разумом и властвует над всем. В том, что Бог создал человека способным держать ответ на Страшном суде, проявились его справедливость и любовь к человеку. Он создал образ человеческий отличным от форм червей, птиц, прочей живности, наделил человека лучшим сложением, поставил на две ноги, высоко расположил голову, чтобы он мог обозревать окружающий мир, чтобы он не пригибался и не брал пищу, как животное, дал ему две руки, которые служат голове; чтобы он мог наслаждаться ароматами, дал ему нос; чтобы он мог видеть употребляемую пищу, дал ему глаза; чтобы защитить их от опасностей, дал веки; ресницы даны, чтоб уберечь веки от трения; брови — чтоб отвести от глаз стекающий со лба пот; язык дан для того, чтобы люди могли общаться, понимать друг друга и трудиться сообща. Разве это не свидетельство любви к человеку? Если кто-то любит тебя, разве ты не обязан отвечать ему тем же?

Вдумайся: солнце испаряет влагу, превращает ее в тучи, которые, проливаясь на землю животворным дождем, дают жизнь семенам, травам и цветам, радующим человеческий глаз и сердце; созревают всевозможные плоды, сахарные тростники, поддерживающие жизнь на земле; реки стекают в моря и озера, утоляют жажду животных и птиц, служат обиталищем для рыб. Земля одаривает человека хлебом, хлопком, коноплей, плодами и ягодами, хра-

нит в себе ископаемые богатства; птицы дают человеку пух, мясо, яйца; животные — молоко и шкуру; вода — рыб, рыбы — икру, пчелы — мед и воск, черви — свой шелк. Производя эти богатства, никто и ничто на свете не скажет: «Это мое!». Все предназначено для блага человека, Фабрики и машины, созданные невероятным трудом, служат на радость и пользу человеку.

Разве это не проявление любви Всевышнего к человеку? Разве не долг человека отвечать любовью на любовь?

Чтобы человечество из-за своей ненасытности не истребило виды животных и не причинило ущерба последующим поколениям, Аллах заставил ту же человеческую жадность оберегать животных; звери и птицы недеются на свою силу, крепкие ноги, быстрые крылья; находят убежище в глубине вод, обитают в высоких скалах, хоронятся в лесах; все живое стремится к размножению и наделено инстинктом самосохранения и заботы о потомстве. Все создано не в расчете на то, чтобы животное, развиваясь, совершенствовалось до уровня человека, а с целью обеспечить человека неиссякаемым источником питания. Во всем мы находим проявление доброты и справедливости.

Мы не задумываемся над тем, что доброта и справедливость — есть условия шариата, считаясь мусульманами, мы должны были быть верными последователями Аллаха, но разве мы следуем ему неукоснительно? Разве для нас недостаточно этих ярких, подобных небесным светилам доказательств заботы Аллаха о человеке?

Нам нравится видеть благодеяния других. Но себя мы не обременяем лишней заботой о ближних. Разве это не грешно?

Кто допускает зло, не препятствуя ему, тот не

может считаться истинным мусульманином. Или же он мусульманин наполовину.

Где тот праведный путь, указанный Всевышним? Этого многие не знают. Я не встречал мусульманина, который бы внял словам пророка:

«Задумайся о деяниях Аллаха» или следовал бы молитве:

«Люби Аллаха, и он возлюбит тебя».

«Твори людям добро, ибо Аллах любит творящих добро».

«Верующие в Бога творят благие дела, им уготовано место в раю».

Коран избилует подобными аятами, но никто из нас не пытается вникнуть в их суть, нет у нас ни желания, ни достаточных знаний для постижения этих истин.

«Есть люди, которые веруют в Аллаха, считают своим святым долгом творить людям добро, ибо знают, Аллах не любит злонамеренных». Об этом свидетельствуют следующие слова пророка, да благословит Аллах его имя:

«Кто несправедлив, тот не имеет совести. Не имеющий совести, не имеет и веры».

Отсюда мы уясняем, что вера не может возникнуть сама по себе, она рождается справедливостью и благонаравием. Но справедливости и добродетели не добиться одними молитвами и слепым поклонением. Доказательства тут не требуются. Ты видишь мусульман, усердно молящихся и соблюдающих строгий пост, однако этого недостаточно.

Справедливость — мать всех благодеяний. Понятия совесть и честь исходят от справедливости. Справедливый человек непременно задумается и спросит себя: «Почему я одобряю добрые дела других, а сам не спешу принять в них участие?» Разве это не свидетельство его справедливости и честности?

Разве это не начало благих дел? Но почему, заботясь о людях, он не проявляет такой же заботы о Создателе?

Стремление к благотворительности порождается умением довольствоваться малым. Не теряйте чувства справедливости, не уставайте творить добро. Без справедливости нет ни веры, ни человечности. Как учит Аллаяр суфи, один недостаток рождает сто других.

Понятия о Всевышнем сложились в нашем сознании как о Знающем, Милосердном, Справедливом. Если признаки Науки, Милосердия, Справедливости присутствуют в тебе, это означает, что ты имеешь стремление к знаниям, ты — истинный мусульманин и обладаешь высокой человечностью. Известно, что жауанмарт¹ воплощает в себе три таких качества, как правдивость, благонамеренность, разум. Правдивость олицетворяет — Справедливость, благонамеренность — Милосердие, а Разум, как мы знаем — одно из имен Науки. Этими свойствами, но в малой мере, наделен человек; долг его — довести их до совершенства, использовать на благо, помнить о них, беречь их в себе. Достичь этого можно, имея искренние желания и неустанно трудясь. Этими тремя качествами обладает пророк, за ним — святые, ученые и истинные мусульмане; эти качества направлены на служение Всевышнему, проповедуются пророком, и приняты святыми с любовью. Но их любви хватило только на то, чтобы проявить заботу о загробной жизни. О мирских радостях они забыли или не брали их во внимание.

Ученые же думают и заботятся о земной жизни. Суждения святых и ученых — противоречивы, хотя они недалеко ушли друг от друга в своих убежде-

¹ Жауанмарт — благородство

ниях, хотя обе стороны рассуждают в пользу учения Аллаха. Но ведь любой спор должен закончиться удовлетворением?

Наука и Разум, как и человеческая природа, не терпят насилия над собой, им противны неискренность, они учат нас быть добрыми, искренними, благодетельными, что и есть М и л о с е р д и е.

Но я думаю, что и святые, и ученые ищут удовлетворения в спорах ради своего тщеславия.

Если бы человечество для своего усовершенствования избрало тарикат¹, путь, указанный святыми, мир бы пришел в запустение. Кто бы тогда пас скот, кто бы остановил врага, кто бы шил одежду, кто бы сеял хлеб, добывал богатства земных недр?

Разве отказавшись от благ, дарованных Всевышним, мы не рискуем оказаться неучтивыми, неблагодарными и неблагодарными, впадая тем самым в тяжкий грех?!

Избравшим этот путь грозит полное исчезновение или они окажутся жертвами кафиров, самые невыдержанные из них бесславно сойдут с избранного ими пути.

Если этот путь предназначен лишь для половины мусульман, то напрашивается вопрос: разве существует половинчатая истина? Истина должна быть единой для всех. Разве может быть выборочная истина? Выборочная справедливость? В таком случае у народа не может быть и самой жизни. Ибо жизнь есть высшая истина. Без жизни не может быть совершенства.

Не все святые презрели земные блага. Известно, что трое приближенных пророка — хазрет Гусман,

¹ Т а р и к а т — здесь направление в религии, исповедующее духовное самоусовершенствование путем строгой воздержанности и полного смирения.

Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абдукас славились своими богатствами.

Строгую воздержанность святых можно объяснить их неуверенностью в своей силе, опасением соблазниться мирскими радостями, что несомненно ослабило бы их веру. Или же это вызвано их желанием отвлечь внимание людей от накопительства примером своей воздержанности, в расчете на то, что люди, видя их смирение, откажутся от пагубных увлечений, корыстных целей и изберут путь любви к благотворительности. Если это предпринято из самоотверженной любви к людям, то их жертвы неоправданны, путь их опасен и неверен. Добиться истины подобным путем могут только люди преданные своей вере, достигшие вершин науки, обладающие могуществом власти, редким мужеством, духовной непреклонностью. Собрать в одном человеке эти качества почти невозможно, или же их обладатель может оказаться непревзойденным мошенником.

Стремление отличиться, возвыситься над другими портит человеческую натуру. Невежда, объявивший о своем вступлении на путь тариката, тем самым признается в безнравственности.

Мыслитель и ученый — суть одно, но в познании обнаруживается их отличие. Признанная в миру внешняя наука преподносится нам в виде наставлений. Наставники, достигшие наибольшего успеха в своих наставлениях, называются учеными.

Ничто не создано без причины, возможно, служители подобного учения одержимы жадой постижения тайн могущества Аллаха, что никому не возбраняется, или они занялись наукой такого склада из безграничной любви ко Всевышнему? Но уместно ли говорить именно о такой любви, коль человеку не дано познать самого Аллаха?

Только любовь, порожденную ясным пониманием,

безмерной верой, чувством благодарности и признательности ко Всевышнему за тех существ, что сотворены им с любовью, сами наделены способностью любить и сострадать, можно назвать любовью ко Всевышнему.

И только те достойны звания ученого, кто стремится постичь Аллаха соразмерно своему рассудку, кто ищет первопричину всех явлений и предметов. Они добиваются истины, справедливости, блага в интересах человечества, для них не существует в жизни радости и удовольствия, помимо их труда. Не будь этих мыслителей, идущих верным путем, наступило бы всеземное крушение. Эти истинные ученые являются костяком всех человеческих творений, их умами приводится в порядок все, что есть на земле. Их деятельность направлена на земное благоденствие, как говорится: земная жизнь — есть возделанная нива для жизни загробной.

Не всякий ученый — мудрец, но всякий мудрец — ученый.

Традиционная вера приобретается с помощью наставления ученых, но благодаря просвещению мудрых, она перерождается в истинную веру. Добиваются этого мудрецы, постигшие высший смысл мусульманства. Ученые же мирских наук не знают основ религии, хотя они добиваются истины и сумели раскрыть для себя тайны вселенной и человеческого бытия. Из семи условий шариата они способны признать лишь Аллаха, не могут отличить сторонников Аллаха от его противников. Пусть они не являются нашими духовными пастырями, но они заслуживают нашу признательность, ибо, как сказано пророком в Хадисе, лучшими из людей считаются те, кто приносит пользу окружающим.

Эти люди не знают ни сна, ни покоя, ни развлечений, они находятся в неустанном поиске полезных

для человечества открытий, они добыли электричество, подчинив человеку энергию молнии, научились держать связь друг с другом на огромных расстояниях, заставили огонь и воду выполнять колоссальную работу, непосильную тысячам людей, они совершенствуют человеческий разум, учат нас отличать добро от зла, несомненно, мы во многом обязаны им.

Теперешние муллы — противники ученых. Что свидетельствует о невежестве священнослужителей или о превратности их помыслов, ибо сказано: по природе своей человек тяготеет ко злу. Многие из их учеников, заучив несколько молитв на арабском или персидском языках, считают, что могут участвовать в спорах, гордясь этим, и вместо пользы, причиняют людям вред, сбивая их с пути громкими призывами и пустым бахвальством. Иные из них вредят не из злого умысла, а подчиняясь природному инстинкту. Отраднее видеть, когда кто-то из них внял правдивому слову, возвращается к совести. Разве назовешь совестливым того, кто препятствует правде? Самодовольство, тем более необоснованное самодовольство портит человека. Если правда именуется еще истиной, и истина — есть Аллах, нужно не противиться ей, а постараться понять и рассудить справедливо. Подобное заблуждение чревато опасностью отчуждения от религии.

Когда великий пророк, да благословенно будет его имя, сказал, что «грядет день равный по своей продолжительности году», богословы спросили его: «сколько же будет молитв в тот день?» И получили ответ: «Об этом будут знать ученые того времени». Не хотел ли пророк этими словами дать понять, что вместе со временем будут меняться, обновляться и каноны религии?

В наши дни методы обучения в медресе безна-

дежно устарели, оказались не только бесполезными, но и вредными. В соответствии с этим в Турции уже открылись новые учебные заведения, где помимо богословия преподаются военная дисциплина и другие науки. Наша молодежь многие годы отдает пустой зубрежке в медресе, и оттуда выходят невежественные, неразумные, не приспособленные к труду люди, которые и в дальнейшем живут обманом да ложью. Учение мулл не приносит ничего, кроме вреда.

Красота мироздания облагораживает человеческий разум. Случается, что из-за нужды и нехватки человек теряет свой человеческий облик, звереет. Не иметь стремления к постижению мировой науки — признак невежества, что осуждается и Кораном.

Между богатством, накопленным для того, чтобы возвыситься, и богатством, которое копят для того, чтобы иметь возможность помочь страждущим и не быть в зависимости от других, есть большая разница.

Мы не стремимся овладеть знаниями в целях наживы. Напротив, используем богатства на пути к овладению знаниями. Искусство — вот подлинное, неиссякаемое богатство, учиться ему — самое благородное дело. Знания должны служить справедливости и отвечать требованиям закона божьего. Человек обязан быть благодетельным и не только восхищаться благодетельностью других, но и самому неустанно творить добро.

Говоря о муллах, хочется особенно предостеречь вас от ишанов. Их учения ложны, пагубны. Многие из них невежды, не знают подлинных законов шариата, а избирают путь богослужения, пытаются учить других при всей убогости собственных знаний, учения этих искусителей человечества вредны даже для псевдорелигий. Они находят себе опору среди

глупцов, слова их — ложь, свидетельство их учения — четки, чалма и больше ничего!

Так знайте же, дети мои! Путь Всевышнего беспределен. И никому не дано преодолеть его. Тот, кто решился пойти по этому пути, считается истинным мусульманином. Если конечная твоя цель — обогащение, это уже не божий путь, это свидетельство твоей ограниченности. Что за непостижимая уму алчность, алкать богатства всего мира?! Если ты намерен делиться с другими своими деньгами, скотом, знаниями, другими благами — это и есть путь Всевышнего, единственный путь, не знающий предела. Избравшие его считаются истинными рабами его, они могут питать надежду приблизиться к Богу. Какая надежда может быть у иного пути?

Способности и намерения некоторых людей направлены на улучшение внешнего вида, они заботятся о своей одежде, следят за походкой, считая сие занятие высоким достижением. Стараются выставить себя напоказ, как на торгах, вызывают зависть у глупцов, чей ум только в глазах. Глядя на них, одни изводятся, снедаемые завистью, другие выбиваются из сил, подражая им. Кому какая выгода от этого? Сколько усилий потрачено только на то, чтобы понравиться окружающим своей внешностью! Достоинства человека содержатся не в наружности, а в чистоте его помыслов, неприукрашенной внутренней сущности, по которым и распознал нас Аллах. Разве прибавится ума у этих поклонников зеркал? Разум человека совершенствуется безграничной, неиссякаемой любовью к добру.

Совершенным мастерством своим Аллах создал мироздание и человека, чтобы тот мог расти и продолжать род людской. Святой долг каждого из нас — множить число своих друзей. Это зависит от сердечности, благорасположенности к окружающим,

что вызовет ответное чувство, или хотя бы не желайте зла другим, не пытайтесь возвыситься над другими словами или делами.

Возвыситься духовно можно иными путями.

Во-первых, умение сохранить человеческие достоинства даже во время великих испытаний, облагораживает человека.

Во-вторых, самовосхваление, выпячивание собственных достоинств могут только навредить тебе.

В-третьих, злонамеренность, принижение, оскорбление самолюбия других, порождает ответную враждебность.

Причина желания отличиться перед другими — хвастовство, оно порождает зависть, одна зависть влечет за собой другую.

Отсутствие же этих пороков приносит человеку умиротворение, а в умиротворенной душе рождается стремление.

Существуют три вещи, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать, это: невежество, лень, злодеяние.

Невежество — то есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Лень — злейший враг искусства; бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность — порождение лени.

Злодеяние — враг человечества; причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков — человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания. Направь свои знания на путь, указанный Аллахом, ибо Аллах не ленился, огромными усилиями и старанием создал гармоничный совершенный мир. Твое дело

тоже должно быть сделано с усердием и добрыми намерениями. Все, что создано Аллахом имеет свое назначение, плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям. Иначе — любой труд бесполезен. И вера твоя — тщетна.

Известно, творения Аллаха не создавались без трудностей и ни один предмет не создан без назначения. Все имеет свою цель, свою причину. Человек, имеющий тягу к знаниям, обязан помнить — любое дело должно вершиться целенаправленно.

Пророк, да благословит Аллах его имя, оставил нам такие слова: «Прежде чем взяться за дело, надобно иметь цель и стремление».

Но вот вы решили совершать отныне омовения, читать молитвы, соблюдать посты. Но не грешно ли заботиться только о внешнем соблюдении обрядов? Если ваша душа чиста, соблюдение обрядов богослужения отражает вашу духовную жизнь, внешняя упорядоченность лишь украшает и облагораживает вашу веру. Не поэтому ли мудрецы утверждали, что вера одна, что она освящена многотерпением, без сдержанности, она тускнеет, а возможно даже обречена на гибель. Сказано это к тому, чтобы невежды, думающие лишь о соблюдении обрядов, не забывали о главной задаче — в е р е.

У меня есть основания думать, что они убеждены: достаточно им совершить обязательные элементы обрядов, чтобы считаться мусульманами. Это не так, обряды являются всего лишь стражами веры. Но что проку от стража, который только будит, не заботясь о сохранности и благополучии охраняемого предмета? Что станет с верой без бдительности? Разве подлинная цель — не сохранность и чистота охраняемого предмета?

Не способные разобраться в смысле обрядовых знаков, прислушайтесь! Самое главное в них — намаз.

Но прежде чем приступить к нему, вы должны совершить омовение. Омывание совершается после очищения от скверны. Помните об этом! Эта процедура должна закончиться проведением влажными руками по ногам — некоторые из знаков носят символический характер.

Избавившись от скверны, вы совершаете омовение, очищая невидимые стороннему глазу части тела, что, разумеется, совершенно неинтересно знать посторонним, но этими действиями вы показываете людям, что ваша душа безгрешна и вы приводите свой внешний облик в соответствие с внутренним состоянием. При полном очищении и спокойствии вы приступаете к намазу.

Намаз — это молитвы, заклинания.

Легкое прикосновение мокрыми пальцами к шее и ногам означает, что они уже омыты и чисты.

Приступая к молитве, вы касаетесь пальцами ушей — это означает, что вы не смеете перед Аллахом воздеть руки выше, это движение выражает ваше признание — Аллах превыше всего, и вашу мольбу к нему — не дай потонуть в мирской суете, протяни руку помощи.

Склоненная голова и сложенные на груди руки — знак того, что вы стоите не просто как раб перед вельможей, не как простолудин перед падишахом, а выказываете этим признание как более слабое, ничтожное создание справедливости и непомерному могуществу всемудрого Аллаха.

Обращение лицом к Кыбле¹ — поклонение предполагаемому месту захоронения Всевышнего, хотя мы

¹ Кыбла — направление, показывающее Мекку — мусульманскую святыню, куда мусульмане обращают лицо во время молитвы.

знаем, что Аллах бессмертен и не может быть на земле места, достойного его могилы. Это надежда на то, что ваши молитвы достигнут слуха Всевышнего.

Чтение намаза начинается с суры Фатиха. Это очень продолжительная и содержательная молитва.

Поклоны, совершаемые положе руки на колени — знак того, что мусульманин предстал перед ликом Аллаха.

Первое прикосновение лбом земли означает, что человек вышел из земли, второе — что он вернется в землю же. Обращение лицом к небу — знак надежды и мольбы на воскрешение после смерти.

Вы заканчиваете молитву еще одним приседанием и словами приветствия к Всевышнему и его пророку, да благословит Аллах его имя, а также пожеланием всем мусульманам мира, единства и благополучия.

Так что же мы уяснили для себя из этого Слова?

Слово тридцать девятое

Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет.

Изживая в себе недостатки, доставшиеся нам от предков, мы растеряли эти достоинства. Если бы мы имели в характере своем решимость и усилия, направленные на приобретение новых качеств приложили к тому, чтобы сохранить старые, возможно, мы встали бы в ряд с другими народами. Поскольку нет решимости характера, вновь приобретенное более благоприятствует развитию в нас свойств демо-

нических, нежели человеческих. Это — есть одна из серьезных причин утраты нами национальных достоинств.

О каких качествах мы говорим? В стародавние времена были люди, которые звались «ел басы»¹, «топ басы»². Они решали споры, управляли жизнью общества. Простой народ, худо-бедно, занимался своими делами. Не принято было оспаривать решения «ел басы» и «топ басы» или бегать от одного к другому. Говорят: «Возьми альчик, если он удобен для твоей руки, сделай из него биту», «Когда каждый сам себе бий, не ужиться и на бескрайних просторах, когда есть глава общины, не сгореть и в огне». Люди, признав эту истину, приносили жертву святым духам, и помолясь, отдавали бразды правления всеобщему избраннику и впредь старались поддерживать во всем, скрывая его недостатки и славя достоинства. Относились к нему с должным почтением, слушались и неукоснительно повиновались, тогда и влиятельные лица не переступали пределов благоразумия. Как им было не заботиться о людях, когда все были братьями, и достояние у них было общее?

И второе — люди свято берегли и дорожили единством. Стоило кому-то призвать на помощь других, упомянув при этом имена предков, как все бросались на выручку, забыв обо всех обидах и раздорах, охотно шли на уступки и жертвы. Говорили тогда в народе:

«Кто не умеет простить вины ближнего, того чужой обидит»,

«Братья ссорятся, но не отрекаются друг от друга».

«Если шестеро погрязли в раздорах, потеряют

¹ «Е л б а с ы» — глава народа.

² «Т о п б а с ы» — старейшина рода.

то, что в руках, если четверо пребывают в согласии, на них небесная благодать нисходит».

«Кто ищет верного пути, находит казну, кто ищет раздоров, находит беду».

Где теперь этот благородный дух общности и радение о чести?

Они были обеспечены людской стойкостью, советливостью, доблестью. Мы лишились их.

У теперешних дружба — не дружелюбие, а вероломное коварство.

Вражда — не отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии.

Слово сороковое

Почтенные, вот о чем я хочу спросить вас.

Как это получается, что о покойниках мы не говорим дурного, а среди живых не видим достойных?

Отчего старики живут в согласии с молодыми, а между собой враждуют, хотя число их сверстников с каждым днем становится все меньше и меньше?

Стоит кому-то уехать на чужбину, как все тут же начинают любить его как родного. Но как только он возвращается, мы вынуждаем его бежать от нас. Почему?

Почему, увидев хорошего человека из чужого рода, люди распинаются перед ним, восторгаясь его достоинствами, а в своем роду не замечают тех, кто превосходит чужаков в мудрости и благородстве?

В чужом краю расхваливают свой аул, вернувшись, превозносят достоинства чужого аула. Как это так?

Почему родители ласковы, заботятся о детях, пока

они маленькие, но охлаждаются к ним, как только они взрослеют?

Почему родичей трудно собрать, когда радость, горе или другое достойное событие, а как запахнет воровством или разбоем, они тут как тут?

Почему родичи досадуют и обижаются на тебя, когда твоя лошадь приходит первой на скачках?

В старину люди помнили, если кто-то хотя бы раз помог им добраться до места, они вспоминали об этом с благодарностью до последних дней своих. Нынче люди быстро забывают о добрых делах. Почему?

Почему байский сын, обеднев, не стыдится воровства, а идти в услужение к другому баю, считает для себя зазорным?

Почему двое хороших людей не могут ужиться в одном роду? А двое подлецов почему-то всегда становятся друзьями?

Почему тот, кого ты считаешь другом, кому ты даришь коня, отворачивается от тебя, получив стригунка от твоего недруга?

Почему иной не ценит друга, с которым живет в согласии, а за врага, который в кои веки исполнил единственную его просьбу, готов отдать жизнь?

Почему многие не желают добра друзьям, а если кому-то из двух друзей повезет, они становятся заклятыми врагами?

Почему одни ищут человека, который бы дал им разумный совет, но избегают тех, кто знает их дело до тонкостей?

Почему иные в гостях ведут себя так, будто пригнали с собой весь свой скот, а принимая гостей в своем доме, делают вид, будто далеко отогнали все свои стада?

Люди ищут покоя, но стоит ему воцариться, как им тут же становится скучно? Почему?

Почему народом всегда правят ловкие дельцы?
И почему, как правило, они всегда бедны?

Почему младшие жены бывают строптивыми?
Почему злодеи бывают смелыми? Почему иные бедняки бывают спесивыми?

Почему людей сдержанных, живущих мирно, называют безвольными, а тех, кто распущен, хвастлив, драчлив, считают удальцами?

Почему казахи не слушают праведные слова, не находят для этого времени, но будут охотно внимать сплетням и грязным наветам и не уйдут не выслушав их до конца, хоть все дела их пойдут прахом?

Два сорок первое

Тому, кто вознамерился учить, исправлять казаха, нужно обладать двумя преимуществами.

Первое — иметь большую власть, пользоваться огромным влиянием, чтобы запугивая взрослых, забирать у них детей и отдавать в учение, направляя одних по одному пути знаний, других — по другому, а родителей заставляя оплачивать их расходы. Девочек достаточно было бы обучить мусульманству, чтобы они были сильны хотя бы в религии. В таком случае можно было бы надеяться: когда состарившиеся родители отойдут от дел, молодое поколение пойдет по правильному пути.

Второе — нужно владеть несметными богатствами, чтобы подкупом брать детей у родителей и отдавать их в учение, как было сказано выше.

Никто не обладает властью, способной запугать нынешних людей. Никому не дано богатство, которого хватило бы на то, чтобы задобрить всех родителей.

Не запугав или не подкупив казаха, невозможно уговорить или убедить его в чем-либо. Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность. Между собой у них какие-то ужимки и кривляния, шепотки да двусмысленные намеки, ничего более увлекательного на ум им не приходит. Они пытаются думать, но им некогда сосредоточиться на своей мысли. Говоришь с ними — они и слушать со вниманием не могут; глаза их бегают, мысли разбредаются.

Как жить?

Как нам быть дальше?

Слово сорок второе

Одна из причин пристрастия людей к порочному — безделье. Когда б он возделывал землю, занимался торговлей, разве мог бы он вести праздную жизнь? Ездит из аула в аул на выпрошенной у кого-то лошади, живет на дармовщину, разносит сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекает других или сам идет на поводу у подстрекателей, скитаясь без дела и без пользы. Тот, кто стремится к благополучию, кто привык жить своим трудом, сочтет такую жизнь унижительной. Разве он оставит свое дело, чтобы бродяжничать бесцельно?

Тот, у кого заводится хоть мало-мальский скот, не довольствуясь этим, не бережет то, что имеет, а отправляется на поиски радостей, оставив пастухам и детям заботу о стаде, которое становится добычей воров, хищников, гибнет в непогодь. Он терпит эту утрату, но будет не в силах отказываться от участия в тайных заговорах, сплетнях, мелких дрязгах. Желая обрести значимость и вес в обществе,

он считает обязательным для себя быть причастным к мерзким и злым козням, грязным нашептываниям, ничтожному пакостничеству. Достигшие кое-какого достатка, бросают свое добро на попечение других, «ты, мол, присмотри, пригляди», сами же предаются суесловию, дармоедству, праздному шатанию.

Нынче люди не дорожат высоким умом, всеобщим уважением или богатством; умение писать жалобы, умение ловко обвести кого-то вокруг пальца — вот что в почете. Кому удастся это, будь он беден и сир, ему всюду уготовано почетное место, жирный кус мяса и упитанный конь. Такому мошеннику легко улестить простоватого бая, заявив лицемерно: «Вы только велите, ради вас я хоть в огонь готов пойти». И этого достаточно, чтобы, не ударив палец о палец, быть сытым, одетым, ездить на хорошем коне и пользоваться всеобщим уважением.

Бай не думает об утерянном покое, не считает своих расходов. Прежде чем говорить с кем-то, он будет держать совет с проходимцем, который стелется перед ним мелкой иноходью, страхась потерять доверие бая, тревожась, как бы не завелась у владыки другие советчики. «Аллах с вами,— говорит он угодливо,— неужто вы сами не додумались до такой простой вещи?» И начнет подсказывать хитрости одну гнуснее другой, внушает баю подозрительность к другим. В конце концов бай теряет доверие к себе окружающих. Если умный человек не соглашается с баем и отворачивается от него, прохвост тут как тут: «Вот видите? Не я ли говорил вам, что это его козни?» И вовсе подчинит своей воле наивного бая.

Вот на что теперешние люди тратят свой ум и желания.

Вот чем они живут.

Человек наделен от природы телом и душой. Нужно знать, какие из свойств тела и души даны от рождения и какие приобретаются в результате труда.

Необходимость есть, пить, а также спать — произвольные потребности. Желание что-то увидеть и узнать — задатки произвольного инстинкта, но разум и знания — являются приобретением человеческого труда. Слушая ушами, видя глазами, прикасаясь руками, пробуя на язык, вдыхая носом, человек получает представление о внешнем мире.

Полученные ощущения, приятные они или неприятные, воспринятые пятью указанными органами чувств, располагаясь в памяти в заданной закономерности, создают определенную образность.

Получить приятное впечатление от хорошего и отвращаться от плохого — естественная способность человека. Сначала эти задатки очень слабы. Человек развивает и усиливает эти способности, без внимания и развития они притупляются, исчезают или остаются в зачаточной стадии, оказываются ни для чего не пригодными.

Тот, кто много слушает и видит, черпая знания извне, тот имеет многое: он способен трезво рассуждать и отличать полезное от вредного. Человека, способного анализировать события и факты, относят к людям умным.

Невежда, не способный мыслить, не приученный трудиться, пытается свалить свою нерадивость на Бога. «Что делать, если Бог не наделил умом?» или «Нас с тобой Бог создал не одинаковыми», — говорят они.

Разве Бог велел ему не вслушиваться, не всматриваться, не запоминать слышанное и виденное?

Разве сказано ему: ешь, пей, развлекайся, довольствуйся похвалой и превращайся в животное, растеряв душевные сокровища?

Другие говорят: «Может, ум и взаправду дело нужное, но стремлением наделяет природа. Наделенный способностями приобретает и ум. Неспособные остаются неразумными». И это неверно.

Стремление есть и у детей, что бесспорно. Мы уже говорили, что сначала способности человека очень слабы и нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании. Даже ремесло, которым человек занимается с желанием, изо дня в день становится более совершенным. Если не возвращаться к приобретенным навыкам, ты можешь утратить их, ты и сам не заметишь, что стал другим человеком. Разве умение и мастерство, покидая тебя, предупреждают об этом заранее? Попытка вернуть их требует еще больших усилий, чем прежде.

Душевные способности настолько разнообразны и многогранны, что описать здесь все их невозможно. Сила души способна удержать долгое время навыки приобретенного мастерства, но без внимания они теряют свою ценность и со временем может иссякнуть и сама сила, удерживающая их. Приобрести ее заново невозможно.

Сила души обладает тремя особенными свойствами, которые нужно ценить и беречь в себе, потому что без них человек превращается в животное.

Первое из них называется «подвижной элемент». Что это такое? Это свойство помогает не только осознать увиденное и услышанное, но побуждает живо осмыслить, что из чего происходит и куда ведет. Без этого свойства бесполезно много чтение, оно ничего не даст. Не сделав вовремя, не подумав вовремя, не сказав вовремя, опаздывая всюду, будешь всю жизнь жалеть и огорчаться: «Какая жалость!

Там-то, тогда-то надо было поступить так-то!»

Другое свойство называется «притягательная сила однородного». Узнав что-то новое для себя, начинаешь думать и сравнивать со сходными вещами. Во всем ли у них есть сходство? Или только в отдельных элементах? И пока не уяснишь себе всей причины сходства, не расспросишь, не проверишь свои предположения, не найдешь успокоения.

И третье. Называется оно «впечатлительностью сердца». Если сумеешь сберечь сердце от превратностей четырех пороков, таких, как самодовольство, корыстолюбие, легкомыслие и беспечность, полученные ощущения извне четко отразятся в зеркальной непорочности сердца. Эти впечатления будут питать твой ум и запомнятся надолго. Если не убережешь чистоту сердца, потускнеет зеркало души, все в нем будет видеться смутно или в искаженном виде. И понятия твои обо всем на свете сложатся неверно.

Все, что добывается трудом и находится вне тебя, называется богатством. Не зная всех перипетий и тонкостей ведения хозяйства, трудно удержать в руках свое добро. Так же трудно уберечь нажитое духовное богатство — ум и знания, от которых может быть и немалый вред. Не зная об этом, потеряв бдительность, можно легко лишиться приобретенного.

Все на свете имеет свою меру. В том числе и хорошее. Великое дело — знать меру всему. Умение думать — похвально, но некоторые люди, чрезмерно увлекшись, запутываются в мыслях, теряют здравый рассудок.

В желаниях есть, пить, одеваться, развлекаться, обогащаться, добиваться власти и даже в проявлении осторожности и хитрости, направленной на то, чтобы не быть обманутым, нужно знать меру. Все, что сверх меры — есть зло.

Древние мудрецы говорили: «В том, чего упорно добиваемся, мы находим зло». Да будет известно тебе, в двух свойствах духовной силы, называемых «притягательной силой однородного», «подвижной элемент», кроется все то добро и все то зло, что существуют на свете. Властолюбие, эгоизм, гнев, ложь — все, что порочит человека, берет начало в этих истинах. Такую силу нужно уметь направлять на усовершенствование хороших и полезных качеств, нужно подавлять порочное в его зародыше.

Разум отличает полезное от вредного, но даже силой разума не одолеть этого зла. Одолеть его может только тот, кто соединит в себе силу разума и силу воли. Сумевший сосредоточить в себе разум и волю подобен быстроному скакуну — ему подвластно все.

Если же эти качества не развиты или одно из них присутствует, а другого нет, то духовная мощь понесет тебя, как необъезженный, неуправляемый скакун, бросая и на скалы, и в воду, и в пропасть. Ты безволен. Несешься, не разбирая дороги, полы твоего халата распущены, глаза воздеты к небу... И до скончания дней твоих не избавиться тебе от бесчестия.

Ничтожнейший из людей тот, кто не имеет стремления. Но стремления бывают различные. И те, кто стремится к чему-либо, отличаются друг от друга по способностям и силе воли. Талантливые или бездарные, все они не прочь услышать похвалу в свой адрес. Они ждут ее, заслуженную или нет, все равно.

Люди общаются с людьми своего круга, делятся с ними сокровенными мыслями. И скорее всего ждут

похвалы от тех, кто живет рядом с ними и знает их, а не от незнакомых и далеких людей.

Одни стремятся к почестям. Другие алчут богатства. Неважно каким образом, скарედностью или хитростью. «Кто добыл богатство, тот безгрешен» или «У имущего лик светел», — говорят они и знают, что никто их за это не осудит. Видят в богатстве свое главное достоинство и честь. Судя по их извращенным нравам, так оно и есть, но если посмотреть с позиций человечности — это один из отвратительных пороков.

Одни хотят прослыть храбрецами, святыми, баями, другие — не чураются славы хитрых, ловких, всезнающих. Чванятся худой славой, пытаются даже из нее извлечь выгоду.

Все стремятся к чему-то, стремятся читать, но не по книгам, а по лицам людей. Смотрят, точно прощупывают биение пульса и определяют: «А... сегодня в цене то-то и то-то, а вот на этом деле можно недурно заработать».

Чтобы постичь науку по книгам, нужно, говорят, прежде всего очистить от скверны душу, помыслы, и только потом приступить к чтению.

Если предпочитаешь учиться по лицам, продолжай начатое, не старайся очиститься, ведь никому не видно, что там у тебя за душой. Говорят, чем больше складок и зазубрин в ней, тем неуязвимее и прочнее благоденствие.

Вот и суди теперь, кто чему учится и к чему стремится.

Доказательством существования единого и всемогущего Бога является то, что многие тысячелетия на различных языках люди говорят о существовании Бога и сколько бы ни было религий, все считают, что Богу присущи любовь и справедливость.

Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам. Мы — служители любви и справедливости. И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения Всевышнего.

Веруя и поклоняясь сами, мы не вправе сказать, что можем заставить верить и поклоняться других. Начало человечности — любовь и справедливость. Они присутствуют во всем и решают все. Это — венец творения Всевышнего. Даже в том, как овладевает жеребец кобылицей, проявляется любовь.

В ком господствуют чувства любви и справедливости — тот — мудрец, тот — учен. Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязать созданный мир и постигать его гармонию разумом.

В глубине Чингисских гор Абайского района Семипалатинской области, дождливым, промозглым осенним вечером мы с отцом стояли у старого разрушенного колодца, и сумрачные вершины гор падали в кровавом отблеске исчезающего солнца на степь угрожающей тенью.

Это было в 1983 году, перед внезапной кончиной отца от инфаркта. Отец мой был родственником Шакарима Кудайбердиева, а я только начал свой роман о поэте и философе «Забытый, или Возвращение из ада», и эта поездка в глубь гор была данью памяти великому предку.

Ибо здесь, среди безмолвных серых сопок, осенью 1931 года работниками районного ГПУ был расстрелян он, великий старец Кажы, или «Умытылган — Забытый», как подписывал он свои стихи, долгие годы проведя тут в полном одиночестве, укрывшись в горах от мирской суеты, 73-летнего старца обвинили в связи с горсткой бандитов, напавших на райцентр, и убили. Без суда и следствия.

Помню и другую тишину. 1953 год. В ожидании первого наземного ядерного взрыва стариков и детей, присматривающих за скотом, выпроводили сюда же, в Чингисские горы.

Каждая семья готовила кошмы, чтобы, когда полыхнет, спрятаться под ними — так нас учили военные люди. Вот тогда я впервые услышал имя Шакарима от старого пастуха Архама.

«Тело его где-то здесь, он томится в колодце»,— бормотал Архам, но в те времена никто не знал, где этот проклятый колодец, ибо все еще жив был страх 20-х годов, когда за одно упоминание имени Абая или Шакарима можно было получить пулю или навечно уехать в далекий «Итжеккен», страну, где «люди ездят на собаках», то есть в Сибирь.

«Великая тень Кажы витает среди этих гор»,— продолжал бормотать пастух, и мне, десятилетнему мальчишке, эта ночная тень умершего была куда страшнее какой-то там атомной бомбы. Я дремал, я бредил этой тенью, не зная, что утром встанет над помертвевшей степью громадный ядерный гриб, и видение это заставит меня на долгие годы забыть воображаемую тень странного Шакарима.

...Убийцы бросили растрелянного поэта в сухой колодец, и только в 1962 году тело его перевезли в урочище Жидебай, предав земле близ могилы Абая. Но и тогда, после полной реабилитации, ретивые идеологические чиновники категорически запретили издавать его труды, и даже случайная ссылка на него была метой неблагонадежности. Тем самым поэт был казнен дважды. Тридцать лет в колодце и тридцать лет после законной реабилитации не стерли с него клейма «врага народа».

Коллективизация, репрессии, голод. Земля Чингистау, в чем повинна она? Неужели в том, что подарила человечеству Абая, Шакарима, Ауэзова, поэтов степи Магауя, Турагула, Акылбая? 32-й год, пронесшийся по Казахстану, как гибельная чума, унес почти всех близких поэта. От Чингистау до Семипалатинска на протяжении почти 200 километров валялись неубранные трупы. По дороге умер от голода самый талантливый сын Шакарима — поэт Кабыш, и лишь чудом уцелел младший сын Ахат, благодаря которому мы имеем сегодня трехтомное рукописное собрание произведений Забытого (псевдоним поэта), ибо в недрах государственных учреждений сгинули книги Шакарима, изданные в Ташкенте, Казани, Омске, Семипалатинске, Оренбурге, сопредельных азиатских странах.

Земля Чингистау... Аул Абая и после смерти родоначальника нашей поэзии был духовным центром Казахии, несмотря на то

что из блестящей плеяды нашей интеллигенции 20—40-х годов уцелели лишь считанные единицы. Свободный и волюнтарный дух нашей поэтической Мекки был мерилом совести нации. Мухтар Ауэзов писал об Абае, а ведь Шакарим был сыном старшего брата Абая и, с шести лет оставшись без отца, воспитывался в его доме. Перед смертью Абай отправил племянника на свои сбережения в путешествие по Турции, Аравии, Египту. Шакарим посетил Мекку, Медину, Александрию, Париж. Он изучил турецкий, арабский, персидский, в совершенстве знал русский. Он состоял в переписке со Львом Толстым, переложил «Дубровского» для казахов стихами, переводил прозу Толстого и Бичер-Стоу, поэмы Физули, газели Хафиза и Навои, стихи Лермонтова, Некрасова, Байрона. Написал повесть «Адил и Мариям», «Летопись казахских ханов» и философский трактат «Мусульманство», и лишь смерть помешала ему закончить многоплановую этнофилософскую книгу «Казахи». Среда, где воспитывался и воспитывал Шакарим,— тот духовный космос нашей культуры, без ощущения которого было бы невозможно становление гуманистического мировоззрения классиков казахской советской литературы — Магжана Джумабаева, Жусупбека Аймаутова, Ахмета Байтурсунова, Султанмахмута Торайгырова, Мухтара Ауэзова.

Шакарим был передовым человеком своего времени. Ему были чужды родовые, национальные предрассудки, ибо, как никто другой, он понимал, что совесть и память — основа человеческой жизни.

Так куда ж душа девалась,
что природа им дала?
Только войско и оружие
да торговые дела —
Вот чем заняты «науки»
все столетья до сих пор,
Позабыв о состраданье
в дебрях яростного зла...
Дескать, добрый я душою —

пустозвонные слова!
Пред жестокостью бессильны
все обиды, все права.
Там, где царствует оружие,—
справедливости там нет.
Лучше смерть, чем знать —
на свете зло живет и ложь жива.

(1915 г. Пер. Вл. Цыбина)

Шакарим вернул литературному языку беспредельную свободу устной речи. В чарующей непринужденности его строк — особая прелесть. В стихах этих рифмуются не только окончания строк, но и многие слова внутри текста. Неведомый ритм гармонии — вот на чем держатся его стихи, вот отчего в них так много и простора, и свежего воздуха.

Блаженство моих безгорестных дней,
Блаженство моих беспечальных ночей,
Пользы от вас никакой.
Шесть десятков мои отсчитали года,
И уже голова моя стала седа,
Где найду я покой?
И обречен я слезы лить,
И опьянен я без вина.
Судьба погасит мой огонь,
И мне могила уж видна.

(1919 г. Пер. Вс. Рождественского)

Поэмы его «Калкаман — Мамыр», «Енлик — Кебек», «Смерть Кодара», «Нартайлак и Айсулу», «Жизнь Забытого» поражают зрелым мастерством и богатством внутреннего духа, горестной жаждой познания и совершенствования. Абай и Шакарим, оба они стали для казахов образцом благородства и мерилom истинности. Ведь до них казахской прозе и поэзии не было доступно буйное пиршество степных звуков, запахов, цвета, не было такой тонкой игры света и тени, никому и никогда не удавалось столь долго удерживать в сладостном объятии и пространство, и время.

К нам начали возвращаться некогда запрещенные имена выдающихся деятелей культуры и науки; запрещенные, но не забытые в памяти народной, они сегодня в открытую ведут с нами долгие беседы. Мы с жадой вчитываемся в их старые книги, в не «сгоревшие рукописи», откуда доносятся до нас живые, неумолкаемые голоса совести, духовной чистоты.

Шакарим не был прозаиком, он прежде всего поэт и мыслитель, историк и теоретик музыки, а его небольшое наследие прозы мы воспринимаем как прозу поэта. Тут и романтическая повесть о трагической любви, философские эссе-размышления одинокого поэта в разные годы его жизни о мире, о человеке, о его месте во вселенной.

Его откровения присущи своему времени; под влиянием арабской, персидской и турецкой культур казахская проза в начале века риторична и назидательна, но в каждом слове поэта ярко ощущается его настоящая забота о собственном народе, оттого в каждой строке его прозы сквозит кровоточащая правда — единственное достоинство подлинной литературы.

По странному недоразумению не все труды Шакарима реабилитированы, но и по небольшому наследию прозы можно полно ощутить тревогу поэта, его сокровенную мысль о добре, о справедливости, о жажде любви к человеку.

...Майским днем этого года я вновь стоял в глубине Чингисских гор у разрушенного ветрами и временем сухого колодца, где тридцать лет великая тень Забытого, надеясь на людское милосердие, мучительно жаждала могильщика и трех аршин настоящей земли, витая в темных ущельях гор, как тень ночного барса.

Явился в мир ты голышом,
Уходишь — в рубище одет.
За счастьем ты спешишь бегом:
Как знать, догонишь или нет?

(1904 г. Пер. Вс. Рождественского)

Нет никого. Нет твоих сыновей, нет братьев, нет моего отца — они не дождались твоего мучительного возвращения из ада

небытия, они не станут свидетелями твоей всенародной славы.

«Нет места на земле, где не восторжествовала бы правда»,— писал ты, и слова эти оказались вещими, Шакарим-ата, ибо мудрая твоя прекрасная поэзия жила, живет и будет жить.

По этим стихам мы учились читать, писать, петь, думать, любить, ненавидеть. В годы мучительной раздвоенности, неверия, отчаяния, злобы твоя великая тень преследовала нас, иногда казалось, что ты отвернулся от нас, что ты ненавидишь и презираешь свой потерянный изолгавшийся народ...

Ты жив, ты воскрес, но все еще бродят по степи тени других оболганных, замученных, расстрелянных, кому и смерть не дала успокоения.

Мы принимаем на себя муку твоего сердца, отчаяние твоей души, боль и страдание твоей плоти.

Ты берег крепость собственной славы,— входи, она твоя, ибо ты восславил человека и землю яростно, мудро, правдиво.

Роллан Сейсенбаев

ШАКАРИМ

Записки
Забвѣтого

ЗА СЕМЬДЕСЯТ ДВА ГОДА

За семьдесят два года, прожитых мною, мне пришлось быть свидетелем событий малых и великих, много повидал я доброго и скверного, немало и сам дел совершил — и нужных, и пустых. Говорят: «Найди себе кумира для подражания». Кумиром для меня стал покойный Абай. Следуя ему, рано отстранился я от межродовой распри и унижительных междоусобиц, избрал путь истины и справедливости, занялся науками. Специального образования я не получил, но постоянно пребывал в кропотливых поисках знаний — изучал труды известных мыслителей, знакомился со взглядами на жизнь писателей разных времен и народов, встречался, имел беседы со знающими, разумными людьми, много времени посвятил писательскому труду.

В пятидесятилетнем возрасте отошел от житейских дел и забот, уединился вглубь и стал записывать свои мысли, наблюдения. Писал не для того, чтобы прославиться, ибо знаю, писанное и сказанное ради утоления жажды тщеславия, не имеет никакой ценности. Писал и пишу лишь ради того, чтобы моя жизнь послужила уроком для грядущих поколений.

Сейчас мне за семьдесят, душа еще бодра, но тело изношено и оно становится ненадежным при-

станицем для мыслей. Несмотря ни на что, пытаюсь запечатлеть свои думы на бумаге.

Для того, чтобы более подробно изложить, глубоко изучить вопросы, которые волнуют и тревожат меня, понадобилась бы долгая жизнь. Моей, оставшейся, на это не хватит. Поэтому изложу свои суждения вкратце.

Часто люди неглупые бывают одержимы несбыточными идеями, бесплодными мечтами, проводят время в пустословии, что равносильно навязчивой хвори, от которой необходимо избавляться.

Как известно, наука — есть плод человеческой мысли и фантазии. Человек — частица природы. Его мечты основываются на вполне реальных, возможных предметах и явлениях. На первый взгляд, эти мысли могут показаться абсурдными, потому что представлены в преувеличенной или измененной форме, являются искаженным отражением нашего будущего.

То, что вчера казалось несбыточной фантазией, мечтой, сегодня воплощается в жизнь. И никуда нам от этого не деться. Фантазия неистощима, не имеет пределов. Моя же проста, близка к действительности.

Какими благими усилиями можно исправить человеческую природу? Что предпринять, чтобы человечество научилось жить в мире? Эти вопросы веками тревожат умы и совесть лучших из людей.

Многие ученые пытались изменить жизнь людей в лучшую сторону. Ими написано множество книг, выдвинуты самые различные идеи и мысли.

Некоторые из них утверждали, что человек может стать чище и совершеннее, познав природу Создателя вселенной, посвятив себя служению Богу. Другие предполагали, что достичь гармонии челове-

ческого общества можно, упразднив правительство. Иные ратовали за всеобщую свободу, чтобы каждый мог жить по своему разумению и желанию. Если одни видели спасение человечества во всеобщем просвещении, другие пытались уравнивать в правах богатых и бедных, третьи полагали, что человека можно изменить воспитанием. Находились и такие, которые утверждали: поскольку сама жизнь на земле — есть непрерывная, беспощадная борьба за существование, люди должны жить, следуя этим законам.

Я же убежден: ни одна из этих идей не в силах внести изменений в человеческую натуру.

Рассмотрим попытку исправления человека наставлением его на религиозный путь. Посмотрите на мулл и суфи. Ежедневно творящие пятикратный намаз, прикрываясь Кораном, они в то же время бессовестно обманывают и обирают народ. В чем их святость?

Если же не будет правительства, значит люди не будут подчиняться справедливому и единому для всех законам, не будут ведать милосердия друг к другу, зубастые хищники станут пожирать слабых и беззащитных. Как тогда жить людям?

Просвещенные умы владеют тайнами ремесел, их возможности неограниченны. Но где, в каком деле используют они свои знания? Насколько я знаю, с помощью науки люди научились делать смертоносные орудия, нашли ядовитые газы, истребляют друг друга, как диких зверей, сильные превратили слабых в рабов, вся планета обогрета человеческой кровью. Пример тому Америка и Англия — государства, считающиеся самыми развитыми и цивилизованными.

Отнимая имущество у богачей, раздавая его неимущим, уравнивая их в правах, тем самым приуча-

ем тунеядцев и нищих к губительному для них безделью и лени.

У меня четыре взрослых сына. Все они родились от одних отца и матери, росли в одной среде, питались одинаково, получили одинаковое воспитание. Но один из них терпелив, другой — вспыльчив, третий трудолюбив и милосерден, четвертый жесток и ленив.

И, наконец, обратимся к утверждению, что жизнь есть борьба и люди рождены для того, чтобы немилосердно уничтожать друг друга. По-моему, эта идея бесчеловечна и не имеет под собой никакой основы.

Люди, имеющие разум, совесть, питающие чувственно милосердия к братьям своим, не могут жить, истребляя, губя друг друга.

По моему разумению, основой для хорошей жизни человека должны стать честный труд, совестливый разум, искреннее сердце. Вот три качества, которые должны властвовать над всем. Без них не обрести в жизни мира и согласия.

Безусловно, человек должен получить образование и обязан применять свои знания и мастерство в использовании несметных природных богатств. Все достижения человеческого разума должны быть направлены на нужды и интересы человечества.

Милосердие, любовь, доброжелательность, искренность исходят от чистого, бескорыстного сердца. Честный, разумный человек не станет чинить зло другим, ему чужды пустое бахвальство и постыдный эгоизм. Можно не сомневаться, имея такие качества, люди обретут благополучие.

Но серьезным препятствием на пути к этому могут оказаться те вредные задатки, которые стали настолько привычны, что люди приняли их за пра-

вило. Причем эти пороки могут порождать бесконечную вереницу злодеяний, таких, как насилие, ложь, властолюбие, стяжательство, жестокость, кровожадность.

Нужно неустанно искать пути избавления от этих пороков.

Правителями государств следует избирать честных, умных, бескорыстных людей. Следует назначать должностных лиц, способных создавать справедливые, гуманные законы, следить за их соблюдением.

Необходимо учить людей трудиться, необходимо дать им образование, но всего этого недостаточно для изживания в человеке нравственного уродства. В процессе воспитания человека необходимо ввести науку совести. Об этом должны позаботиться ученые головы. Они должны разработать данную теорию как дисциплину, обязательную для всех. С молодых ногтей нужно воспитывать в людях чувство высокой порядочности, самоуважения, что помогло бы изжить в себе животные инстинкты, искоренить пагубные вождения. Только тогда можно питать надежду на исправление человека и человечества...

ЗЕРКАЛО ПОДЛИННОГО СЧАСТЬЯ

На самой заре своей жизни, делая первые шаги, пытаясь произнести первые слова, я чувствовал привязанность к сверстникам, с которыми играл, любил их искренне, как родных братьев, увлекшись играми, забывал о еде и быстротекущем времени.

Мое безмятежное счастье! Невинные забавы, любовь к друзьям трепетная забота отца и матери, которую я ощущал, возвращаясь домой! Куда все сгнуло? Где это теперь?

В детстве мы то ли боялись, то ли робели старших, как-то сторонились их. О причинах такого отчуждения я тогда не задумывался. А теперь, кажется, понимаю.

...Однажды я обратил внимание, что взрослые ребята с азартом мечут альчики, бегают наперегонки, в лунные ночи играют в «белую кость». Игры их показались мне намного интереснее наших, малышей — копанье «колодцев», строительство «замков» из камней. Вскоре я примкнул к подросткам, стал играть в их игры. Вот это, наверное, и было моим первым слепым стремлением к счастью. У мальчишек дело редко обходится без ссор и потасовок. Стыдно, но я, бывало, запугивал детей бедных родителей тем, что «все расскажу отцу». Кем были мой отец и мои братья? — Богатыми, влиятельными людьми, правившими жизнью всего округа. Кто же не убоится их?

Но шло время, и, пресытившись играми, я невольно стал обращать внимание на юношей, которые одевались нарядно, бренчали на домбре, пели песни. «Ойпырай! — думал я завистью. — Вот оно, настоящее счастье!» Меня неудержимо влекло к ним, я тянулся за ними и вскоре превзошел многих в щегольстве, изящных манерах.

Невозможно вспомнить, невозможно описать все увлечения и переживания, выпавшие на мою долю.

Казалось, не успел я изведать до конца утех юности, как жажда нового счастья охватила меня. Оказавшись в кругу почитаемых всеми степенных мужей, посещая их собрания, прислушиваясь к мудрым речам и суждениям, я все больше убеждался: вот оно, подлинное счастье — счастье зрелого возраста, когда можно обрести вес и значимость в обществе, выявить свою «гражданственность», самоутвердиться.

Набираясь опыта, вникая в тонкости взрослой жизни, стал я сведущ во многих вопросах, но тут меня подкарауливало другое «счастье», именуемое богатством. Чем дальше, тем больше захватывало оно мое внимание, полонило волю. Жизнь без денег казалась мне блеклой и безрадостной. «Боже мой! — думал я самонадеянно. — Разве мне недоступно то, чего достигли другие?» Со всем жаром и энергией молодого сердца окунулся я в стяжательскую деятельность, достигнув и тут немалых вершин.

В начале, когда я довольствовался лишь играми в альчики, возникло в моей жизни одно занятие, которое я воспринял, как насилие над собственной волей. Неприятно признаваться, но именно оно стало причиной первой трещины в моей монолитной, безоглядной, светлой любви к родителям. Этим занятием было учение. «Учись, вместо того, чтобы играть в альчики», — твердили родители, мне же казалось, что они безжалостны и равнодушны, ибо отрывают меня от любимых игр, навязывает что-то неприятное, ненужное. Это было первым моим столкновением с действительностью, первым противоречием между желанием и неизбежным долгом.

Итак, обретая одно за другим многочисленные разнообразия «счастья», я стал кичиться перед теми, кто был слабее меня и всеми силами стремился за теми, кто меня в чем-то превзошел. Было еще много всякого в захватывающей погоне за счастьем, всего и не упомнить...

Не стану утомлять вас подробностями, поведаю о последних своих размышлениях.

Однажды, откуда ни возьмись, посетила меня внезапная мысль: «Вспомни о прожитых годах». Пришлось невольно задуматься: пленительное безоблачное детство сменилось отрочеством, неудержимо влекла, манила юность, незаметно для себя втянулся и во взрослую жизнь, стал холопом этой жизни, рабом нажитого богатства. Ничто больше не ждет меня впереди, отчего прошлое кажется невозвратимым совершенством, идеальным счастьем.

Теперь, полагаю, и смерть недалека. Осталось одно: встретить ее с достоинством. Немалого достиг я, чего же мне еще желать?

Так и решил: не было в моей жизни ничего счастливее детства. Потому что только в детстве не знал я горечи, не делал поступков, противных совести и вере. Но детство и юность теперь в далекой недосыгаемости, и если суждено мне когда-либо еще испытать счастье, оно уже не будет наивно-истинным, ибо много в этой жизни неправды, глупой опрометчивости, малодушного отречения от совести и идеалов.

О зрелом возрасте, прикрывавшемся вероломным словом «гражданственность» и говорить не стоит. Суть ее, в моем понимании, не отвечала названию, гражданственность ощущалась мною как превосходство. Человеку не избежать потребности в богатстве, но добыть его из нечистот, не испачкавшись самому — невысказано.

Ненасытное желание счастья все еще не отступало, наведывалась мысль о счастье новом, неизведанном, без границ и ясных очертаний. Не имея четких представлений о цели, я зажмурился и шел по этой жизни, не разбирая пути, до тех пор, пока не стукнулся лбом о нечто твердое. Открыл глаза и увидел огромное зеркало, задернутое черным покрывалом, с надписью: «Зеркало подлинного счастья».

«Аллах милостив к просящим!»— обрадовался я и, откинув покрывало, увидел в зеркале согбенного, немощного старца с красными глазами, впалым беззубым ртом, морщинистым лицом, белой как снег бородой!.. «Кто ты?»— спросил я, оторопев от неожиданности. Старец, как будто насмехаясь надо мной, беззвучно шевельнул губами. Вглядевшись лучше, я узнал в нем самого себя!

«Ах, обманчивое счастье мое!.. Жизнь, проживая напрасно!»— вскричал я и упал без чувств...

Очнувшись, увидел человека с суровым выражением лица, в белоснежном одеянии, который поддерживал мою голову.

«Аксакал! Взгляни еще раз в зеркало, но смотри не на свое отражение, а обрати внимание на эту супружескую пару с детьми».

Снова глянул я и увидел в зеркале богатых и знатных людей, юношей и детей, играющих в альчики, а дальше, в глубине, сидели муж с женой, рядом с ними дети, которых они целовали, миловали, баловали. Дети отвечали им трогательной лаской и нежностью.

Суровый человек в белом одеянии сказал:

«Аксакал, подлинным счастьем является любовь родителей к детям и непорочное сердце детей. Безупречно чистое сердце и самое возвышенное из чувств — любовь были даны и тебе. Не утратив чи-

стога сердца, сохранив целомудрие помыслов, неустанно творя добро и справедливость, принимая чужих детей как родных, ты имел возможность стать воистину счастливым человеком.

Те тревоги и испытания, что выпали тебе в поисках счастья, подобны усилиям охотника, преследующего добычу или уловкам торговца, ищущего быстрой наживы.

Ты разменял свою любовь и непорочное сердце на мирские блага и ложные устремления. Единственное, что осталось тебе — сохранить память о том, что случилось, на все немногие отпущенные тебе дни жизни. Как ни велико твое огорчение, оно, увы, бессильно что-либо изменить. Молись же, молись...»

САДЫ ПОДСНЕЖНИКОВ

1

Прославившийся щедростью Атымтай как-то созвал народ на большое угощение: первую неделю он принимал красноречивых ораторов, певцов и сказителей, вторую неделю — молодежь со всей округи, третью — двери его дома были открыты для нищих, сирых и убогих. В один из дней, когда за дастарханом Атымтая сидела, состязаясь в красноречии, зная, в дом вошел бедно одетый человек и, не обращая ни к кому, молча сел в сторонке. «Может, и вы расскажете нам что-нибудь интересное?» — обратился к нему один из гостей. «Я не знаю мудрых слов, не могу щегольнуть остроумием, но если будет позволено, прочту небольшой стих.

•
Бедняк, подобный мне,
Был голоден несколько дней,
Но молчал, берег свою честь.
Хоть в глазах его слезы стояли.
Голодный, холодный, больной,
Он готов был богу душу отдать.
Перед ним дастархан, полный яств,
Но никто не додумался предложить
Ему хоть бы хлеба кусок.
Насмехались над нищим
Гости за дастарханом, сытые, пьяные.
Тогда заговорил бедняк, и
Вот, что он вдруг сказал:
«Утешаюсь тем, что довольствуюсь малым,
Кормлюсь лишь своим трудом.
Чужой хлеб, словно камень в горле.
Одни из вас знатны, другие щедры,
Все вы мудры и красноречивы.
А у жалкого нищего голова пуста..
Когда над озером ливень прошел,
Разве от этого поле цветет?
Жаждой томимые нищие
Бродят по жарким степям.
И разве щедр тот джигит,
Кто голодному хлеба не даст,
А богатых кормит как на убой?
Есть хромые, слепые, безрукие,
Сирые, вдовы, неприкаянные.
Разве из таких твои гости?
Задумайся об этом!

Сказав это, бедно одетый человек покинул дом.
Говорят, после такого случая, Атымтай стал при-
вечать только поистине нуждающихся и обездо-
ленных.

2

Что может быть прекраснее песен, сложенных
сладкоголосыми поэтами о цветущей юности и тай-
нах, от которых молодость вянет, как цветы на де-
кабрьской стуже, песен о грусти, губящей цвет и

гасящей блеск, заставляющей несравненных красавиц сохнуть, как сорванный плод? Что может сравниться с музыкой и голосом, которым поется песня, стелющаяся, словно тонкий шелк, и улаждающая душу, как целебный бальзам. Красота лица — случайный дар судьбы, а прекрасный голос и умная речь — зеркало души.

Внешнюю красоту оценит каждый, но не всякому дано понять гармонию слова и мелодии.

Однажды ловец птиц, поймав соловья и ворону, поместил их в одной клетке, Увидев это, знаток птичьих повадок изумился: «Почему ты запер в одной клетке сладкоголосого соловья и ворону, которая разве что каркать умеет?» «Что мне сделать, чтобы соловей запел? И что сделать, чтобы ворона каркать стала?» — спросил ловец. «Посади соловья в просторную клетку, увитую цветами и зеленью, а перед вороной положи иссохший череп и брось кусок падали», — ответил знаток.

Так и сделал ловец. В ту же минуту соловей запел, на все лады славя красоту молодости и печаль старости. Ворона, увидев череп, села на него и, дважды каркнув, стала с жадностью клевать брошенную перед ней падаль. Глядя на них ловец сказал: «Мне больше по душе черно-белая птица, чем та маленькая пташка. Потому что ворона сразу стала клевать пищу и радостным карканьем как будто бы поблагодарила меня. А соловей-бедняжка и не клюет и не благодарит, а все поет да поет. Его нежного пения и не слышать за громким карканьем вороны. Истинно, у кого сильнее голос, от того и пользы больше. Посмотрите на осла, как усердно трудится он для человека!»

Как благородный ученый избегает невежду, так же невежда бежит от ученого.

В стародавние времена правителем Мекки и Медины был некий человек по имени Кужаж. Жестокий, не знающий милосердия, не зря получил он от своего народа прозвище «душегуб». Однажды, прослышав об исцеляющей силе святого, прибывшего из Багдада, Кужаж обратился к нему: «Благослови меня на добрые дела».

«Раскрой ладони и молись, чтобы Аллах принял мое благословение», — сказал святой. Когда Кужаж сделал это, он произнес: «Аллах, призови к себе душу Кужажа!» «Что ты такое говоришь?» — разгневался Кужаж. «Почтенный! Поверь мне, это было бы единственным разумным выходом для тебя. Умерев, ты бы перестал творить свои злодеяния. Народ бы наконец избавился от твоего гнета. Человеку при рождении дается одна натура, приобретенные им привычки — вторая натура. У тебя есть прекрасная возможность измениться в лучшую сторону. Но избавиться самому от дурных привычек — для такого всемогущего лица, как ты — невозможно. Если желаешь послушать, расскажу тебе притчу. Может, она поможет тебе исправиться. Эта притча гласит, — продолжал святой, — что однажды знаменитый разбойник, промышлявший грабежом и разбоем, остановился в пути и прилег отдохнуть. Мимо него проходили трое. Узнав его, один из них сказал: «Если этот злодей проспит до вечера, многие избегнут его козней». «Хоть бы он и завтра не проснулся», — добавил второй. А третий молвил: «Хоть бы он и вовсе никогда не просыпался. Тогда бы люди навсегда избавились от него». Разбойник, слышавший их слова, задумался: «Говорят, мнение трех человек равносильно мнению всего общества. Эти трое жаждут избавиться от

меня. Если человечество считать одним цельным телом, то каждый человек является органом этого тела. Когда болит один из органов, страдает все тело. Я и есть тот больной орган, от которого страдает народ. Мне нужно немедленно покинуть мой народ или прекратить свои злодеяния». После этого, гласит притча, он перестал разбойничать. Почтенный, и не всемогущий чудотворец. Моя святость заключается в том, что я иду праведным путем и даю людям верные, полезные советы. Эта притча и есть мой тебе совет. Примешь его, значит, освободишься от своих пороков».

Когда слушающий имеет чуткие уши и справедливое сердце, умные советы, как своевременно принятое лекарство, избавляют его от дурных наклонностей. А если он слушает вполуха, эти слова исчезают, как вода в песке, где не растет даже слабая травинка.

4

Однажды приближенные рассказали арабскому падишаху историю Лейли и Меджнуна. Узнав, что разлученный с Лейлой Меджнун избрал жалкую участь странника и проводит жизнь в горах вместе с диким зверьем, падишах захотел увидеть его и разыскал Меджнуна. «Какое немыслимое зло причинили тебе люди, что ты, презрев их общество, пренебрег человеческим обликом и скитаешься среди зверей?» — спросил он. «Вам неведома истинная страсть, поэтому вы готовы осудить меня. Разум не в силах устоять перед подлинными чувствами. Вы не видели Лейли, волшебная красота которой ввергла меня в безумие». Падишах возгорелся желанием хотя бы взглянуть на красоту Лейлы, однако, встретив ее, не нашел в ней ничего примечатель-

ного, она оказалась маленькой худенькой женщиной со смуглым обескровленным лицом и пронзительными черными глазами. Падишах вернулся к Меджнуну. «Я не обнаружил в ней особой притягательной силы. Будь она, как ты утверждаешь, красавицей, многие бы обезумели от любви к ней.» «Не всякому умному человеку дано распознать тайны вселенной. Не всякие глаза способны уловить свет любви. Сердце, сгорающее от любви, глаза, увидевшие красоту Лейлы, принадлежат не вам, а мне. Если хотите понять красоту Лейлы, вам нужно увидеть ее моими глазами, воспринять моим сердцем,— тогда вы уподобитесь тем женщинам, которые, пораженные красотой Юсуфа, вместо лапши крошили свои пальцы. Тогда вы поймете, насколько велика моя любовь к Лейле. Здоровому духом не понять больной души. Соль, посыпанная на мои раны, не разъест вашей здоровой руки. Попробуйте ранить свое сердце мечом страсти и посыпать солью отчаяния. Человеку, которого не жалили пчелы, не объяснить, показывая пчел, насколько болен их укус. Разве сытый поймет голодного? Коль нет в вас той печали, что теснит мою грудь, мои слова покажутся вам пустой болтовней»,— так закончил Меджнун. Поистине, сколько ни говори, нам не понять забот слабого, и злодеяний все сильного.

5

Один человек, имея взрослую дочь, отказал богатым женихам, которые сватались к ней, а выдал ее за молодого и бедного башмачника. Этот несчастный проводил время в увеселениях, пропивая все заработанное и не думая больше ни о чем. Женившись на юной девушке, разгоряченный вин-

ными парами, он стал целовать жену в губы до тех пор, пока губы ее не вытянулись и не стали кровоточить. Отец девушки, придя навестить дочь, нашел ее в слезах и печали. Он набросился на зятя с бранью. «Отец! Нет в том моей вины,— взмолился башмачник.— Я, бедный мастеровой, экономя красной сафьян и мне приходится растягивать его зубами. Губы вашей дочери так красны, что в пылу я спутал их с красным сафьяном. Не будь они такими алыми, разве стал бы я так сильно целовать их?»

Эти слова приведены мной отнюдь не для смеха. Всякое усердие должно быть по делу и к месту. Напрасный труд, разум, потраченный на злодеяния,— все равно что ночные бабочки, бросающиеся в огонь.

6

У знатного баю имелась дочь, лицо которой было изуродовано оспой. Долгое время бай не мог выдать ее замуж, никто не сватался к ней. Наконец удалось сбыть ее человеку, глаза которого были засланы бельмами.

Однажды к баю пришел друг и сообщил, что в их края прибыл целитель из дальних стран, который может безболезненно удалить бельма. Посоветовал сводить к нему зятя. «Прозрев, зять увидит уродливые шрамы на лице моей дочери и прогонит ее. Лучше иметь незрячего зятя, чем брошенную мужем дочь»,— ответил бай. «Может ли он быть милосердным к друзьям, не имея сострадания к зятю?— подумал пришедший.— Не лучше ли мне расстаться с таким другом?»

У человека есть две потребности: телесная и душевная. Постоянная забота о себе, самолюбие, тщеславие — это потребности тела. Совестьливость, стремление честно трудиться — потребность души. Тот, у кого преобладает первая потребность, ради наживы, корысти и славы готов пойти на любые злодеяния. Второй не ищет ничего, кроме бескорыстного труда и благих поступков. Беда, если по неопытности человек с малых лет любит лишь наряжаться да веселиться, со временем это становится его главной привычкой. Иные принимают злого искушителя за доброго ангела и настолько привязываются к нему, что становятся неразлучными, а от истинной красоты и непорочности бегут, как от чумы. В конце концов они теряют власть над собой, не способны оценивать даже собственные поступки.

Один влюбленный, когда в комнату вошла его возлюбленная, потушил свет. «Почему ты потушил свет, когда я вошла?» — спросила женщина. «Мне показалось, что ко мне вошло само солнце. Зачем нужна лампа, когда светит солнце?» — отвечивал он.

Друзья мои! И те, кому привычны злодеяния, и те, кто жертвует своей выгодой ради справедливости и ратного труда, настолько преданы своим устремлениям, что взяли их за правило, забывая о том, что иногда ими руководит лишь слепая страсть. Никто не минует пору детства, юности, не вдруг совершенствуется человеческий разум, поэтому в щегольстве, соперничестве, тщеславии люди зачастую подражают друг другу, а дурной пример заразителен.

Друзья мои! Только одному из тысячи дано уме-

ние отречься от дурных привычек и подчиниться велению разума. Только одному...

8

Спросили однажды странника: «Какую небывалую радость и какую особенную горечь привелось вам изведать?»— Как-то путешествуя по Сахаре, мне пришлось отстать от каравана из-за постигшей меня болезни. Оставленный у источника, вскоре я оправился от недуга и решил догнать своих спутников. Запасы мои иссякли, изнуренный голодом, с трудом передвигаясь, без сил упал я на песок и увидел рядом пиалу, полную жареных зерен пшеницы. Никогда в жизни не испытывал я большей радости. Хотел было положить зерна в рот и разжевать, что это — зерна драгоценного жемчуга. Тут мне и пришлось пережить небывалое в жизни огорчение. Растерянно оглядевшись, обнаружил неподалеку холмик, из-под которого выступал краешек одежды. Раскопав песок, я нашел под ним мертвого человека. Этот несчастный, пережив те же беды, что выпали на мою долю, закопал себя, а рядом, на песке начертал такие слова: «Пусть этот жемчуг и сто динаров, зашитых в мой пояс, достанутся тому, кто перенесет мое тело к ручью, что в тысяче шагов отсюда, предаст земле и оставит на камне или на доске слова: «Голодного спасет кусок хлеба, а не золотой слиток, даже величиной с лошадиную голову».

Узнав это, я отправился на поиски и вскоре обнаружил ручей и свой караван, остановившийся возле него на привал. Подкрепившись и отдохнув, взял с собой людей, телегу, перевез тело усопшего, похоронил у ручья и высек на камне слова: «Голодного спасет кусок хлеба, а не золотой слиток,

даже величиной с лошадиную голову». Сто динаров роздал тем, кто помогал мне, а жемчуг — караванщикам.

Не зря говорят, что кусок хлеба — неоценимый друг души, а деньги и богатство — спутники спесивого хвастуна. Крупица проса и зернышко пшеницы могут спасти человека от голодной смерти, а золото-серебро — это всего лишь металлы.

9

Однажды некий бай, наняв работника, заметил, что тот всюду, где бы ни был, даже по каменистым местам ходит босиком, и спросил его о причине такого поведения. «Много страданий выпало на мою долю, — ответил работник, — но больше всего я горевал, когда изнашивались мои башмаки. Как-то послал меня хозяин к продавцу досок, и там я увидел несчастного человека, который собирал щепу, ползая по земле на четвереньках, ибо у него не было ступней. Тогда я подумал, у него нет не только башмаков, но и ног, я же плачу о прохудившихся башмаках. С тех пор я не ношу обуви, подошвы моих ног так огрубели, что в обуви нет для меня никакой необходимости».

Тот, на кого падают беды, считает себя самым несчастным человеком, переживает давно минувшее, не думая о том, что после ночи обязательно наступает рассвет. Эти переживания — удел невоздержанных. Лучшими из людей следует считать тех, кто трудится, не зная лени и умеет хранить терпение.

Нищий, многие годы собирая милостыню, сделался владельцем приличного состояния, однако не переставал попрошайничать. Однажды его призвал к себе хан. «Говорят, у тебя большое богатство. Отдай деньги в казну, проценты от них пойдут на пользу государства, а сумма будет сохранена для тебя»,— предложил хан. На что богатый попрошайка ответил: «Государы! Эти деньги накоплены путем бесстыдства и ненасытности. Они несправедливы. Стоит ли пачкать руки о них?» Хан рассказал ему такую притчу: «Какой-то бай обратился к тому, кто замешивал глину, с просьбой продать ее, но тот ответил, что глина замешана на нечистой воде. Бай сказал, что она пойдет на то, чтобы замазать щели в отхожем месте. Так что и мы употребим твои деньги на подобную нужду»,— закончил хан. «Государы! Твое отхожее место, наверняка, почище наших жилищ, так что грех употребить на это нечестивые деньги»,— не сдавался богатый попрошайка. «Однажды,— начал хан другую притчу,— к везущему бочку с водой обратился прохожий с просьбой продать ему эту воду, на что тот ответил, что вода у него нечистая. Тогда прохожий сказал, что она сгодится на то, чтобы обмыть тело усопшего еврея, и купил воду. Может, истратим твои деньги на подобное дело?» У богатого попрошайки и тут нашелся ответ: «Великий хан! Твое государство состоит из представителей разных наций. Что подумают о тебе люди, когда узнают, что ты велел обмыть тело умершего еврея грязной водой? Боюсь, мои деньги только навредят тебе».

Хан призвал к себе кази и спросил: «Скажи нам, если кто-то накопил деньги нечестным путем и этим деньгам нет законного хозяина, как с ними

быть?» «Достаточно признания накопившего, что деньги добыты несправедным путем, или двух свидетелей, подтверждающих это, после чего деньги могут быть изъяты в пользу государства и употреблены на нужды бедных, больных или в деле прощения», — ответил кази.

Хан призвал государственного казначея и велел принять деньги богатого попрошайки в казну. Так он проучил алчного нищего и вернул хитреца к истинному его состоянию.

11

Однажды щедрый Атымтай велел заколоть скотину и накормить нищих города. «Городскую бедноту я накормил, но есть же голодающие и в степи», — решил он и отправился на их поиски. Встретился ему человек в рваном чекмене, собиравший хворост. «Отправлялся бы ты к Атымтаю, он сегодня угощает всех нуждающихся», — сказал ему Атымтай.

Бедняк ответил: «Если тебя послал Атымтай, передай ему: человеку, который привык зарабатывать свой хлеб честным трудом, кормить свою семью, а излишками делиться с другими, подачки не нужны. Сегодня я собрал хворосту ровно столько, чтоб накормить жену и детей. Теперь собираю вон для того хромого старика. Как бы Атымтай своими подаяниями не развратил тех, кто здоров и может трудиться. Пусть он помогает истинно нуждающимся. Атымтай раздаёт милостыню, я же, не ленясь, помогаю людям своим трудом. Кто из нас двоих поистине щедр — судить ему».

МЫСЛИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Тот, кто не сумел отречься от лжи, не найдет в себе мужества отказаться от злых намерений.

Когда кто-то внушает мне опасения, я смотрю на него с улыбкой и тем самым лгу. Невольно приходится совершать подобные дела из-за злонамеренности людей.

Человек может обманом повести на смерть тысячи воинов, но он не в силах расстаться со своими пороками.

Творя крупицу добра, мы пытаемся искупить этим грехи, величиной с гору. И не стыдно нам после этого называться человечеством?

Люди, жаждущие богатства и славы, не задумываясь идут на ненавистную для их природы смерть.

Осторожный человек умеет надежно запереть сундук.

Разумный властен над своим языком. Над мыслью не властен никто.

Глаза человеческие можно прикрыть. Око души — никогда.

Умей довольствоваться малым и трудись честно.

Врата воли ни для кого не открывались.

Соловей весело щебечет, радуясь цветам, как же ему, предчувствуя их увядание, удержаться от грустного пения?

Когда угаснут мой ум и сердце, я сравняюсь с потухшим огнем. Спалі я весь мир, никто не сумеет наказать меня.

Найдется ли в мире человек, который унес бы свои тайны в могилу?

Человек мыслящий, имеющий богатый жизненный опыт, может предсказать события. Таких-то и называют святыми.

Не избавиться от мук, пока не закроются навек алчные глаза, даже горькая смерть покажется желанной тому, кто не отведал сладости жизни.

Нет существа ничтожнее человека. Разве тот, кто говорит обо мне плохо, сумеет сделать меня хуже, чем я есть на самом деле?

Поэт, не способный вымолвить умное слово, почему ты, завидуешь мне? Ведь не тебе я обязан своим рождением, так же как и ты мне ничем не обязан.

Истинно одержимый и в грош не ценит бесталанного пустослова.

Если в борозду нищеты не бросишь горсточку пшеницы, на гумне изобилия и зернышка проса не возьмешь.

Муллы говорят: «Душа, покидая тело, оставляет ему невероятные страдания». Это неправда. Потому что душа покидает тело вместе с разумом. Тело, наверное, радуется своему освобождению. Как оно может страдать без разума?

Беды сыплются на землю беспрерывно, как белый дождь. А радость сверкнет молнией и исчезнет. Отчего это? А оттого, что в человеке недоброты больше, чем милосердия.

Остерегайся мелких недругов так же, как серьезных врагов.

Лев появляется открыто. Каракурт и скорпион жалят незаметно, но их укусы смертельны.

Если нет жизни помимо этой, какой смысл тратить ее на единоборство с природой и людьми?

СОДЕРЖАНИЕ

«Отзывчивое сердце». <i>М. Курганцев</i>	3
АБАЙ	
Книга Слов. <i>Перевод Р. Сейсенбаева и К. Серикбаевой</i>	7
«Великая тень Забытого». <i>Р. Сейсенбаев</i>	91
ШАКАРИМ	
Записки Забытого. <i>Перевод К. Серикбаевой</i>	97

Абай «КНИГА СЛОВ»

Шакарим «ЗАПИСКИ ЗАБЫТОГО»

Перевод с казахского

Ответственный за выпуск *Г. Сыздыкова*

Художественный редактор *Б. Серикбаев*

Художник *Е. Кожабает*

Техн. редактор *К. Абдикаримова*

Издание осуществлено за счет средств переводчиков с участием фонда развития «Казахстан» и Казахского центрального акционерного банка (Центрбанк).

Сдано в набор 10.01.92. Подписано в печать 9.07.92. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая. Усл. п. л. 5,2. Усл. кр.-отт. 11,08. Уч. изд. л. 4,87. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3479. Цена договорная.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143. 15-00

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Абай.

Книга слов/Абай. Записки Забытого /Ша-
А 13 карим; Пер с каз. К. Серикбаевой, Р. Сейсен-
баева.— Алма-Ата: Жазушы, 1992.— 128 с.

ISBN 5-605-01373-4

Сборник представляет читателям переводы великого мыслителя казахского народа Абая Кунанбаева «Книга слов» и философские эссе-размышления ученика Абая Шакарима Кудайбердиева «Записки Забытого».

Часть средств, полученных от издания этой книги, передается в фонд «Детям — жертвам ядерных испытаний и экологических катастроф», а также в фонд Абая.

А 4702250101—045 без объявл. 92
402(05)—92

ББК 84 Каз.

157.

ШАКАРИМ

Зануски
Забвимого